

Министерство культуры Сахалинской области
Государственное бюджетное учреждение культуры
«Литературно-художественный музей книги
А. П. Чехова “Остров Сахалин”»

ЧЕХОВ И САХАЛИН

***Материалы юношеской конференции
(2010–2012 гг.)***

Южно-Сахалинск
Издательство СахГУ
2012

УДК 821.161.1«18»–Чехов+908(571.642)
ББК 83.3(2=411.2)52-8+63.3(2Рос–4Сах3)я431
Ч56

Редакционная группа:

Барабаш Е. В., магистрант направления подготовки «Педагогическое образование» Сахалинского государственного университета;

Сушкевич Т. А., заместитель директора по научной работе ГБУК «Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова “Остров Сахалин”» (ГБУК МКЧ «Остров Сахалин»).

Составители:

Сушкевич Т. А., заместитель директора по научной работе ГБУК МКЧ «Остров Сахалин»;

Русинова Н. Б., научный сотрудник ГБУК МКЧ «Остров Сахалин».

Вступительная статья:

Русинова Н. Б., научный сотрудник ГБУК МКЧ «Остров Сахалин».

Ч56 **Чехов и Сахалин : материалы юношеской конференции (2010–2012 гг.)** / сост.: Т. А. Сушкевич, Н. Б. Русинова ; вступ. ст. Н. Б. Русиновой. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2012. – 108 с.
ISBN 978-5-88811-428-5

УДК 821.161.1«18»–Чехов+908(571.642)
ББК 83.3(2=411.2)52-8+63.3(2Рос–4Сах3)я431

ISBN 978-5-88811-428-5

- © Министерство культуры Сахалинской области, 2012
- © Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», 2012
- © Сахалинский государственный университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	4
<i>Александров А. Поездка Антона Павловича Чехова на Сахалин – гражданский подвиг писателя</i>	<i>5</i>
<i>Беззубенко Д. А. П. Чехов и читатель XXI века</i>	<i>19</i>
<i>Буланенко К. Сахалинские страницы в творчестве А. П. Чехова</i>	<i>28</i>
<i>Губанова П., Фролова В. Отражение сахалинских впечатлений в художественном творчестве А. П. Чехова</i>	<i>33</i>
<i>Доровских Л. Значение книги «Остров Сахалин» в судьбе нашего края</i>	<i>42</i>
<i>Дорофеева А. Чехов и театр. Пьеса «Три сестры»</i>	<i>48</i>
<i>Кузьмина М. Использование фразеологических средств русского языка в ранних произведениях А. П. Чехова</i>	<i>54</i>
<i>Куренная Е. Творчество А. П. Чехова и литературный процесс XIX–XX веков</i>	<i>60</i>
<i>Максютова А. А. П. Чехов на Сахалине</i>	<i>64</i>
<i>Слоян Г. Роль пейзажа в рассказах А. П. Чехова</i>	<i>71</i>
<i>Устименко Е. Заграничное странствие Антона Павловича Чехова</i>	<i>80</i>
<i>Фокина Ю. Тема детства в произведениях А. П. Чехова</i>	<i>93</i>
<i>Харитонова В. Рождение «Чайки»</i>	<i>101</i>
Сведения об авторах.....	107

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Чехов и Сахалин глазами молодых

Под обложкой издания 13 докладов трех юношеских конференций «Чехов и Сахалин», которые проводились в музее с 2010-го по 2012-й год.

Данный форум входит в число мероприятий ежегодной научно-практической конференции «Чеховские чтения», которую коллектив музея организует и проводит с 1998 года. Тогда в рамках конференции состоялся конкурс школьных сочинений на тему «Музей книги А. П. Чехова “Остров Сахалин” в моем городе». Спустя год появились викторина и конкурс рисунков, затем – конкурс чтецов. В 2004 году список программы расширился настолько, что принимать в ней участие могли школьники любого возраста – каждый находил что-то, адаптированное под себя. Учащиеся не только участвуют в театральных инсценировках по произведениям писателя, в конкурсе рисунков и эссе и т. п., но и защищают свои доклады по разным темам. С 2010 года юношеская конференция стала самостоятельным событием.

Некоторые участники конференции, чьи работы опубликованы в данном сборнике, являются студентами сахалинских и материковых вузов. Публикация станет для них приятным подарком и подспорьем в создании репутации талантливого и любопытного до знаний ученика. Тематика обширна – от исследований определенных моментов жизни Антона Павловича до анализа особенностей его творчества. Организаторы считают, что сборник будет интересен школьникам, студентам, а также преподавателям.

Выражаем признательность педагогам, курировавшим деятельность участников.

Н. Б. Русинова,
*научный сотрудник ГБУК
МКЧ «Остров Сахалин»*

А. Александров

ПОЕЗДКА АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА НА САХАЛИН – ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ ПИСАТЕЛЯ

Введение

В биографии почти каждого большого писателя есть особенная веха, которая не укладывается в общее течение его жизни и выбивается из привычного уклада, становится непонятной для современников, вызывает разные толкования и объяснения и при жизни писателя, и у последующих биографов и исследователей. Такой вехой в жизни А. П. Чехова стала его поездка на остров Сахалин в 1890 году, которая до сих пор оставляет многих из нас без ответов.

За последние годы появились статьи, комментарии, заметки многих литературоведов: М. А. Семановой, В. Б. Катаева, Э. А. Полоцкой, Г. И. Мироманова, М. В. Теплинского и других.

Однако отдельной работы, в которой были бы достаточно глубоко и всесторонне проанализированы причины поездки писателя на Сахалин, на сегодняшний день не существует, поэтому мы обратились к ее исследованию и считаем актуальной, так как это позволит нам не только обобщить все, что уже было написано, но и предложить комплексное рассмотрение данной темы. А когда мы побывали на экскурсии в доме-музее книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», у нас не возникло сомнений, на какую тему писать реферат, потому что появилась возможность вновь обратиться к личности великого писателя, к его поездке на Сахалин, которая стала его гражданским подвигом и одной из самых ярких страниц истории нашей области.

В процессе работы над темой реферата был использован целый ряд источников за авторством известных литературоведов.

А. С. Суворин, например, считал это путешествие «нелепой затеей», утверждая, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. У известной исследовательницы А. П. Чехова М. А. Семановой совершенно иное мнение: «в сахалинской книге обозначен временный старт, но нет времен-

ного финиша». Исследование, считает она, не закончено, оно будет продолжено другими.

Но основной и наиболее ценный материал содержится в книге М. В. Теплинского «А. П. Чехов на Сахалине» (к 100-летию со дня сахалинского путешествия Чехова), в которой поездка писателя на Сахалин рассматривается как закономерный результат всей предшествующей деятельности Чехова. Автор указанной книги близок нам в своем справедливом утверждении о том, что решение Антона Павловича ехать на остров не было случайным; оно явилось итогом многолетних раздумий и творческих исканий.

Цель: раскрыть значение поездки А. П. Чехова на Сахалин как гражданского подвига писателя.

Задачи:

- изучить литературу по данной теме;
- исследовать, что явилось результатом данной поездки;
- проанализировать причины поездки;
- выяснить, почему именно остров был выбран для путешествия;
- систематизировать работу, которую провел писатель, находясь на острове;
- показать, что поездка Чехова на Сахалин действительно явилась гражданским подвигом писателя.

Гипотеза: изучение темы «Поездка А. П. Чехова на Сахалин – гражданский подвиг писателя» позволит по-новому взглянуть на творчество писателя в целом и в частности на «Остров Сахалин», окажет положительное воздействие на эстетическое воспитание личности.

Предмет исследования – взгляды Чехова на нравственные проблемы общества, способствовавшие его поездке на Сахалин.

Объект исследования: текст книги «Остров Сахалин», записные книжки, письма, архивные материалы, касающиеся этого периода творчества писателя, мемуарная литература, газетные и журнальные публикации, исследования, труды литературоведов, культурологов и краеведов, занимающихся изучением данной темы.

Методы и приемы научного исследования: описательный, теоретический, аналитический.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что содержащиеся в нем материалы могут использоваться в процессе изучения творчества А. П. Чехова

в рамках курса «Русская литература XIX века», а также в спецсеминарах и на элективных курсах.

1. Поездка А. П. Чехова на Сахалин: хронология событий

*Желание служить общему
благу должно непременно
быть потребностью души,
условием личного счастья...*
А. Чехов.

1.1. Решение писателя поехать на Сахалин

«Я еду, чтобы пожить полгода не так, как жил до сих пор», – говорил А. П. Чехов.

Когда познакомишься с очерками, вошедшими в «Остров Сахалин», понимаешь главное: писатель догадывался, что суровый остров стал «местом невыносимых страданий», и это было ему глубоко небезразлично, поэтому он отправился в дальний и опасный путь, чтобы увидеть все своими глазами. А вернувшись, противопоставить официальной точке зрения свою собственную основанную на точных фактах. Чехов, прежде всего, был гражданином и своим долгом считал пробуждать гражданское сознание современников.

В одном из писем издателю А. С. Суворину в ответ на то, что «Сахалин никому не нужен и не интересен», Антон Павлович отвечал резко и без обиняков: «...25–30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека, а вам это не нужно... жалею, что я не сентиментален, а то сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку...». Чем больше анализировал молодой писатель свой опыт врача, наблюдения, литературу и газетные отчеты об уголовных делах, тем больше он осознавал гражданскую цель поездки, личную ответственность писателя, обязанного возбудить к Сахалину внимание общества. Поэтому выбор Сахалина с дорогой через всю Сибирь вызвал у многих недоумение, а у некоторых иронию. В редакционных кругах суворова «Нового времени» ходила эпиграмма:

Талантливый писатель Чехов,
На остров Сахалин уехав,
Бродя меж скал,
Там вдохновение искал.
Но, не найдя там вдохновенья,
Свое ускорил возвращение.
Простая басни сей мораль:
Для вдохновенья не нужно ездить в даль.

Из писем видно, насколько сложными и многообразными были причины сахалинского путешествия. Творческий поиск этого времени, недовольство своими последними работами, депрессия, охватившая Чехова после смерти любимого брата Николая в июне 1889 года, глубоко затронули писателя, тесно переплетаясь с раздумьями о смысле своего творчества, мучившими его последнее время. Чехов знал о положении в Сибири и на Дальнем Востоке лишь ту информацию, которая помещалась в официальных изданиях с разрешения царской цензуры, и она не могла удовлетворить пытливым ум писателя. Он хотел знать правду. За полтора года до того, как засобираться на Сахалин, Чехов написал короткую и яркую публицистическую статью о людях подвига, и можно предположить, что для него поездка на Сахалин была в каком-то смысле тем же трудным, смертельно рискованным, нужным стране и остальному человечеству делом.

Год поездки совпал с юбилейной датой другого «путешествия» – столетием со дня выхода в свет книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Выстраивая целый ряд доказательств, Г. И. Мироманов увидел прямую связь между этими двумя путешествиями; влияние книги Радищева на чеховские путевые заметки несомненно: «...та же тональность в обличении “чудища”, которое “обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй”». «Я взглянул окрест, душа моя страданиями человеческими уязвлена стала,» – начинается свой рассказ Радищев. «...Я вижу крайнюю, предельную степень унижения человека, дальше которой уже нельзя идти», – вторит ему Чехов.

1.2. Путь А. П. Чехова на Сахалин

Каждый, кто хоть раз путешествовал в одиночку, знает: чем ближе день отправления, тем больше сомнений и томительнее на душе. Особенно если там тебя никто не ждет и

сам ты в тех местах никогда не бывал. К концу января был разработан маршрут: река Кама, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, река Амур, Сахалин, Япония, Китай, Коломбо, Порт-Саид, Константинополь, Одесса, Москва. Весь путь включал в себя железную дорогу, конно-лошадиное странствие и пароходы. Чехов предвидел ожидающие его в пути опасности и лишения.

21 апреля 1890 года началось долгое путешествие Чехова, в 8 часов 15 минут он выехал с Ярославского вокзала, имея при себе только удостоверение корреспондента газеты «Новое время»: получить какие-либо официальные бумаги к приамурскому и сахалинскому начальству ему не удалось. В дорогу провожали как на долгие годы разлуки, вся семья собралась, чтобы сделать снимок на память. Антона Павловича очень тревожило, сможет ли он достичь своей цели – всесторонне изучить каторжный остров: в Москву доходили слухи о настороженном приеме, об арестах журналистов в Сибири и о надзоре за «подозрительными корреспондентами». Старались всячески облегчить его путь и знакомые. Так, артистка К. А. Каратыгина, гастролировавшая в конце 70-х годов по Сибири, вплоть до Сахалина, делилась своими наблюдениями и знаниями о тамошних дорогах. Ему давали рекомендательные письма к местным жителям, сенаторам, чиновникам.

Дорога по сибирскому бездорожью заняла немало времени (2,5 месяца). В письме к А. Н. Плещееву Чехов писал: «Все сибирское, мною пережитое, я делю на три эпохи: от Тюмени до Томска 1500 верст, страшный холодище днем и ночью, холодные дожди, ветры и отчаянная война с разливами рек... от Томска до Красноярска 500 верст, невылазная грязь, от Красноярска до Иркутска 1566 верст, жара, дым от лесных пожаров и пыль...».

Сахалин встречал своих гостей нерадушно, словно предостерегая пожаром: «Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр... И все в дыму, как в аду... Кажется, что будь я каторжным, то бежал бы отсюда непременно, несмотря ни на что...». Стихия огня, да еще на таких хмурых землях, способна испугать человека слабого и неподготовленного. Но Чехов знал, куда и зачем он приехал и помышлять о бегстве было не только поздно, но и противоестественно для писателя.

2. Сахалин и А. П. Чехов

2.1. Деятельность Чехова на острове

С 1859 года Сахалин был объявлен каторгой, и страшным символом острова стал человек в кандалах. «На Сахалине все на цепи... Земля уж такая», – писал Чехов в письмах друзьям и знакомым.

В течение трехмесячного пребывания на острове Антон Павлович проделал гигантский труд. Чтобы ближе познакомиться с жизнью поселенцев и ссыльнокаторжных, он произвел перепись сахалинского населения: «Я объездил все поселения, заходил во все избы, вставал каждый день в пять часов утра и все дни был в сильном напряжении от мысли, что многое еще не сделано». С острова А. П. Чехов привез «целый сундук всякой каторжной всячины», около 10 тысяч статистических карточек и «много всяких бумаг».

На 1 января 1890 года каторжных составляло 5905 человек, вне тюрьмы и на вольных квартирах жило 1332 человека, что составляло 23 % всего числа каторжных. Всего на поселении, записал Чехов в материалах своей переписи, 3522 человека, из них хозяев 638, и ему удалось встретиться с большинством заключенных.

С особой болью писатель говорит о сахалинских детях, вечно голодных, не защищенных от самой грязной изнанки жизни. А школы? Их было лишь пять, да и для них не хватало учителей.

Недолго пробыл Чехов на острове и за это время не просто собрал материал для описания тюрем, поселений, стойбищ, но и дал глубокий анализ и сделал следующий вывод: пока сахалинец не хозяин, а батрак на этой земле, ни о каком серьезном освоении острова не может быть и речи. «Хорош божий свет, – пишет он Суворину, – одно только не хорошо: мы».

2.2. Возвращение

На Южном Сахалине Чехова ждала пренеприятная новость: «...Со всех сторон глядит на меня зелеными глазами холера, которая устроила мне ловушку. Во Владивостоке,

Японии, Шанхае, Чифу, Суэце и, кажется, даже на Луне – всюду холера, везде карантин и страх». Обсуждался даже план возвращения в Россию через Америку. Но в начале октября стало известно, что пароход Добровольного флота «Петербург», перевозивший арестантов и грузы из Одессы на Сахалин, все-таки отправится в обратный путь в Россию с минимумом заходов в порты, открытые к тому времени.

«О самом путешествии известно немного – по отдельным строкам писем А. П. Чехова и редким воспоминаниям брата Михаила со слов писателя. В те времена Чехов не вел систематических дневников или записных книжек. От «дневника карандашом» с сибирскими и сахалинскими впечатлениями (возможно, и азиатскими) сохранились лишь фрагменты. Хотя и они требуют пересмотра под новым углом зрения.

Впоследствии в письме А. С. Суворину от 9 декабря 1890 года Чехов писал: «Первым заграничным портом на моем пути был Гонг-Конг (так у автора. – **Дмитрий Капустин**). Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках; прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, музеи, ботанические сады; куда ни взглянешь, всюду видишь самую нежную заботливость англичан о своих служащих, есть даже клуб для матросов. Ездил на дженерихче, т. е. на людях (двухместная повозка с рикшей. – **Д. К.**), покупал у китайцев всякую дребедень и возмущался, слушая, как мои спутники россияне бранят англичан за эксплуатацию инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует (так в подлиннике. – **Д. К.**) китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даете?»

После выхода из Гонгконга в Южно-Китайском море пароход попал в жестокий шторм, и хотя он обладал хорошими мореходными качествами, небольшое судно бросало как щепку. По пути в Сингапур сбросили в море двух покойников. Этот случай произвел сильное впечатление на Чехова. Он писал А. С. Суворину: «Когда глядишь, как мертвый человек, завороченный в парусину, летит, кувыряясь, в воду, и когда вспоминаешь, что до дна несколько верст, то становится страшно и почему-то начинает казаться, что сам умрешь и будешь сброшен в море». Как мы знаем, этот эпизод получил подробное отображение в рассказе «Гусев».

Заход в Сингапур был слишком кратковременным, зато в Коломбо на Цейлоне [писатель называет его Индией. – **Д. К.**]

в распоряжении Чехова было двое с половиной суток (а не неделя, как утверждает в публикации Владислава Чуканова в журнале «Москва», 2000 г., № 11). «Цейлон – место, где был рай, – писал Антон Павлович Суворину. – Здесь в раю я сделал больше ста верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами».

Действительно, этот тропический остров стал самым ярким моментом в азиатском вояже писателя. «Какие бабочки, букашки, какие мушки, таракашки!», – не удержался он от иронии в одном из писем. В первую же ночь разразился ужасный тропический ливень, затопивший Чехова в гостинице и заставивший перебираться в другую. Тем не менее в эти дни ему удалось не только «насытиться» и посетить храм Священного Зуба Будды на берегу живописного озера в Канди – последней столице сингальских королей, но и написать рассказ «Гусев». Известны фраза из письма самого писателя о том, что рассказ «зачат на Цейлоне», и разрешение издателю поставить «для шика» дату под рассказом – Коломбо, 12 ноября. Однако при дальнейших публикациях Чехов снял датировку.

Таким образом, из сахалинского путешествия Чехов возвращался почти кругосветным путем, повторив маршрут морской перевозки каторжных на остров: через Японское море, Индийский океан, Суэцкий канал и Черное море – в Одессу. 8 декабря – в Москву, привез много документов: 10000 статистических карточек, прошения, жалобы...

Все это стало материалом для книги «Остров Сахалин», где в каждой главе сквозит мысль: «Сахалин – это ад». Много хватающих за сердце подробностей собрано в этой книге, и труд Чехова заставил официальных лиц обратить внимание на вопиющее положение каторжных и ссыльных.

Как уступка общественному мнению, взбудораженному книгой Чехова, были предприняты тюремные реформы: в 1893 году – отмена телесных наказаний для женщин и изменение закона о браках ссыльных, в 1899-м – отмена вечной ссылки и пожизненной каторги, в 1903-м – отмена телесных наказаний и бритья головы.

Возвратившись домой, А. П. Чехов заявит, что сахалинская каторга не исправляет, а размножает преступников, и для успешного освоения этой окраины страны необходимо ликвидировать здесь каторгу.

3. Музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» – историко-культурный центр

3.1. История открытия музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин»

Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» открыл свои двери для посетителей 29 сентября 1995 года, когда в Южно-Сахалинске проходила международная научная конференция, посвященная 100-летию выхода отдельного издания книги «Остров Сахалин». В 80-е годы сахалинская общественность и творческая интеллигенция города ратовали за открытие культурно-просветительного учреждения, способного стать центром чеховедения на Сахалине. У истоков рождения идеи стал краевед Г. И. Мироманов. Именно его коллекция, которую он собирал по всей стране для будущего музея, стала основой современного музейного фонда. Подхватив идею открытия музея книги «Остров Сахалин», Георгий Ильич стал одержим ею. Он познакомился с учеными-чеховедами, а также с родственниками А. П. Чехова, тщательно изучал творчество писателя. Но у начинающего музейщика получалось не все: не хватало знаний музейной работы, не было хорошей научной концепции. И, тем не менее, Г. И. Мироманов более пяти лет, до самой смерти в 1992 году, с усердием и ревностью отстаивал идею открытия музея книги «Остров Сахалин» А. П. Чехова.

В декабре 1988 года Южно-Сахалинский горисполком утвердил общественный совет по содействию музею.

Сложные вопросы решали члены общественного собрания, в которое вошли люди, способные оказать реальную помощь: В. Я. Лакшин, М. А. Семанова, М. В. Теплинский, В. М. Латышев и др. Особенно трудным занятием были переговоры с властями, от которых зависело открытие музея в 1990 году к празднованию столетия приезда А. П. Чехова на Сахалин. Бурные споры шли вокруг вопроса о передаче здания по ул. Курильской, 42. Будущему музею требовались капитальный ремонт и реконструкция.

Для создания выставки нужны были экспонаты, Георгий Ильич представлял отчет о командировках по сбору предметов музейного значения. Деньги на их приобретение собирали всенародно.

17 января 1989 года Южно-Сахалинский горисполком принял решение о создании историко-литературного музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» на общественных началах. Общественному совету поручили подготовить до 1 марта 1989 года научную концепцию экспозиции.

Городской отдел культуры, управления архитектуры и градостроительства должен был подготовить необходимую проектно-сметную документацию и реконструкцию здания. Торжественное открытие музея намечалось на 24 марта 1990 года.

В 1989 году Георгий Ильич пригласил к сотрудничеству известного художника-оформителя Александра Смирнова, создавшего экспозицию в Таганроге, а позже в Александровске-Сахалинском музее.

Наступил 1990 год. С успехом прошла литературная конференция, открылась новая экспозиция в историко-литературном музее «А. П. Чехов и Сахалин» в Александровске-Сахалинском, а музей одной книги так и остался на бумаге. В мае 1992 года Георгий Ильич уехал в Германию. Из Германии он отправился в Сумы, где скоропостижно скончался. Похоронен Георгий Ильич на городском кладбище недалеко от могилы Николая Павловича Чехова.

В 1992 году по решению мэра Южно-Сахалинска здание будущего музея передали музыкальной школе № 2. Что только ни делали члены общественного совета, чтобы отстоять музей!

Лишь в конце 1994 года, в преддверии проведения чеховских дней на Сахалине, посвященных 100-летию выхода отдельного издания книги «Остров Сахалин», вновь встал вопрос об открытии музея. 28 августа 1995 года мэр Южно-Сахалинска В. Г. Ягубов подписал постановление «Об открытии городского литературно-художественного музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин»».

Ведущую роль по открытию музея взяла на себя Р. А. Блинова. Ей удалось убедить семью Георгия Ильича Мироманова передать коллекцию в муниципальную собственность, и директором музея назначили сына Георгия Ильича – Александра Георгиевича Мироманова.

29 сентября состоялось открытие долгожданного музея. Желающих посмотреть выставку было много. Среди гостей присутствовала Е. М. Сахарова, сотрудник Российской государственной библиотеки, одна из крупных знатоков творче-

ства А. П. Чехова, лично знающая его сестру Марию Павловну. Но к концу 1996 года музей оказался на грани закрытия. Люди стали забывать об его существовании, перестали интересоваться им.

Наступил 1997 год. Музей нуждался в срочной реанимации: зданию необходим был ремонт. Главное – нужны были профессиональные кадры, чтобы налаживать методику музейной работы, проводить мероприятия, привлекающие посетителей. В апреле 1997 года в экспозиционных залах открылись три выставки: «Сахалинское путешествие А. П. Чехова и его главный итог – создание книги “Остров Сахалин”», «Сахалинские мотивы в творчестве А. П. Чехова».

Жизнь в музее изменилась к лучшему после посещения его мэром Южно-Сахалинска Ф. И. Сидоренко и вице-мэром В. С. Соколовым. Новое руководство отдела культуры и туризма городской администрации в лице Р. И. Загривко тоже не осталось в стороне. Осенью 1997 года был сделан ремонт, открылась литературная гостиная.

Современный музей – это наука, звучащее слово, изобразительное искусство, театр. Развиваясь в сложной ситуации, музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», тем не менее, смог занять достойное место в культурном контексте жизни сахалинцев на рубеже веков.

3.2. По залам музея

Знакомство с музеем начинается в вестибюле, где представлены факсимальное издание книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», а также полотна художников О. Яшина и Т. Манткавы, которые вводят посетителя в мир впечатлений писателя о посещенном им острове.

Экспонаты первого зала раскрывают тему нравственно-гражданской позиции А. П. Чехова и ее формирование под влиянием общественно-политической мысли России. Также можно проследить подготовку Чехова к путешествию и пребыванию на Сахалине.

Период становления Чехова как прозаика и драматурга представлен фотографиями людей, с которыми он сотрудничал, переписывался, у которых учился жизни. Это издатель юмористического журнала «Осколки» Н. Лейкин, издатель А. Суворин, писатели Д. Григорович, А. Плещеев,

В. Гаршин. Среди наиболее интересных предметов этого комплекса – фрагмент студенческой диссертации А. П. Чехова «Врачебное дело в России».

Здесь же «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, и рассказы В. Г. Короленко.

Об огромном объеме работы, проведенной Чеховым на острове, рассказывают карточки переписи населения, заполненные его рукой, страницы метрических книг сахалинских церквей.

Главный аспект этого зала – реконструкция кабинета А. П. Чехова в Меликове, где он заканчивал работу над книгой о Сахалине. Практически все – от письменного стола до рамок для фотографий – подлинные вещи из семьи Чеховых. В этом же комплексе представлены копии документов, которые Чехов использовал при работе над сахалинскими очерками.

Следующий комплекс экспонатов знакомит с откликами современников на книгу и ее общественный резонанс.

В экспозиции представлены отзывы на книгу бывших сахалинских ссыльных И. Ювачева и Б. Пилсудского, журналиста В. Дорошевича, юриста и литератора А. Ф. Кони.

Второй зал музея посвящен теме «Сахалинская каторга и быт ссыльнопоселенцев в книге “Остров Сахалин”». В первом комплексе представлены экспонаты, рассказывающие о сахалинских тюрьмах и арестантах. Открывают его линогравюра С. М. Чехова «Каторжанин», макет Александровской тюрьмы (автор – Б. А. Мельников), сюжетные фотографии о тюремном быте и нравах, заказанные Чеховым еще в 1893 году. Художник Г. Манткава изобразил на полотне «Прикопанный к тачке» одного из тачечников.

Наиболее понятно облик сахалинского каторжника представлен манекеном фигуры ссыльнокаторжного в халате, картузе, чирках.

Рядом с манекеном помещены ножные кандалы, звон кандалов был самой распространенной мелодией на острове. Отдельный раздел посвящен описанию положения женщин на Сахалинской каторге.

Театральную тему продолжает другой раздел экспозиции – «А. П. Чехов на сцене сахалинского театра».

Большой интерес для посетителей представляет комплекс иностранных изданий книг «Остров Сахалин», всемирная слава книги подтверждается ее актуальностью во все времена.

На протяжении нескольких десятилетий в области награждаются чеховскими премиями лучшие представители культуры, искусства и журналистики.

Несмотря на молодость, музей снискал уважение сахалинцев и гостей города. В его литературной гостиной проходят творческие вечера и концерты, открываются новые выставки. Традиционными стали ежегодные Чеховские чтения, материалы которых публикуются и рассылаются в разные города России. В музее налажена экскурсионная и лекционная работа. Имеется прекрасная фильмотека.

Собрания музея ежегодно пополняются новыми экспонатами, рассказывающими о судьбе книги «Остров Сахалин» в России и за рубежом на современном этапе. Конечно, перечислено далеко не все, что можно рассказать о музее, о людях, работающих в нем. Но нам было важно вызвать интерес к данной теме, к этому небольшому, но очень доброму и уютному музею в нашем городе.

Заключение

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

- поездка на Сахалин имела большое значение для писателя: способствовала идейному возмужанию, помогла глубже проникнуть в реальные противоречия социальной действительности, повлияла на дальнейшую литературную деятельность. Впечатление от поездки было столь велико, что А. П. Чехов отмечал: «Отныне в моем творчестве все просахалинено»;

- итогом этой поездки, стоившей Чехову обострения туберкулезного процесса, стала книга «Остров Сахалин». Либеральные газеты писали: «Если бы господин Чехов ничего не написал более, кроме этой книги, имя его навсегда было бы вписано в историю русской литературы»;

- для Чехова «Остров Сахалин» был предметом особой гордости: «Я рад, что в моем беллетристическом гардеробе, – писал он, – будет висеть и сей жесткий арестантский халат. Пусть висит!».

С того момента, как Чехов ступил на землю Сахалина, прошло 120 лет, и от края, который помнил писатель, ничего не осталось – время и прогресс превратили остров в раз-

вивающийся центр. И в нем есть улицы, названные именем А. П. Чехова, стоит памятник, и есть музей, посвященный его сложнейшему труду – книге «Остров Сахалин». Чехову суждено жить вечно на этих улицах, дух его останется витать в здешнем воздухе до тех пор, покуда помнят его имя и горькие судьбы сахалинских каторжников.

Огромная проделанная им работа впечатляет меня и заставляет преклониться перед мужеством и терпением Чехова, и пробуждает в душе самые теплые патриотические чувства, гордость за соотечественника. Мне бы хотелось, чтобы как можно больше людей сумели проникнуться сильным и волнующим настроением данного произведения, чтоб оно нашло место во многих сердцах во все времена.

Литература

1. Быть может, пригодятся мои цифры // Материалы Сахалинской переписи А. П. Чехова 1890 г. / гл. ред. А. И. Костанов. – Южно-Сахалинск : изд-во «Рубеж», 2005. – 600 с. ; илл.
2. Здесь живет сама история : сборник статей к 125-летию с. Кировское. – Южно-Сахалинск : Лукоморье, 2003.
3. Кондратьева, М. В. Разработки лекций, экскурсий, тезисы докладов / М. В. Кондратьева.
4. Остров Чехова. От Мелехова до Сахалина: люди, судьбы, встречи. – М. : Книга, 1990. – 320 с. ; ил.
5. Теплинский, М. В. А. П. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский. – Южно-Сахалинск : Дальневост. кн. изд-во, Сахалин. отд-ние, 1990. – 143 с.
6. Цуренко, В. Негасимая свеча / В. Цуренко. – Южно-Сахалинск, 1992.
7. Чеховские чтения. – Южно-Сахалинск : Лукоморье, 1998, 2003, 2004.
8. Чехов и Сахалин : доклады и сообщения межд. науч. конф. – Южно-Сахалинск, 1996. – 296 с.
9. Читая «Остров Сахалин» : доклады и сообщения участников историко-краеведческой конференции : в 2 ч. – Южно-Сахалинск, 1990.
10. Ювачев, И. П. Восемь лет на Сахалине / И. П. Ювачев. – Южно-Сахалинск, 1998.

Д. Беззубенко

А. П. ЧЕХОВ И ЧИТАТЕЛЬ ХХІ ВЕКА

Введение

Тема реферата «А. П. Чехов и читатель ХХІ века» является актуальной, так как любое классическое произведение литературы – это развивающееся постоянство. Потому что, с одной стороны, роман или поэма, написанные двести или тысячу лет назад, остаются такими же, как во время своего написания; с другой стороны, разные поколения читателей открывают для себя все новые и новые грани художественных значений, как бы раздвигая границы произведения. Так, книга живет в историческом времени, прорастая в нем и сквозь него, пребывая в неразрывной и сложной диалектической сцепленности с читателем.

«История народа принадлежит поэту», – сказал А. С. Пушкин, и в этих словах – отражение глубокой мысли о том, что общенародная жизнь во всей ее полноте и целостности может быть изучена не столько научным, сколько художественным путем. Художественное исследование жизни, в отличие от научного, не дробит действительность на события и факты, но создает ее образ, воплощающий самое важное и существенное в ней.

Классическое наследие помогает нам незаметно уяснить очень важную вещь, касающуюся нашего миропонимания, нашей способности определять свое духовное местоположение. Классические великие произведения литературы при их углубленном понимании, чувствовании, вживании в них позволяют каждому из нас ощущать в своей неповторимой, отдельной жизни «времен связывающую нить», слышать неслышимую мелодию исторического времени. Не являются исключением и произведения А. П. Чехова.

Поэтому **цель** моей работы: доказать, что произведения А. П. Чехова интересны читателю ХХІ века.

Задачи:

- 1) прочитать и проанализировать произведения А. П. Чехова;
- 2) доказать значимость литературного наследия писателя для современного поколения.

Методы исследования: поиск, наблюдение, анализ.

1. А. П. Чехов и читатель XXI века

1.1. А. П. Чехов. «Степь»

«Степь», которую с полным правом можно назвать чудесной поэмой, – гимн радости жизни, величия.

Перед читателем предстал Чехов – поэт счастья. И это, несмотря на то, что вся «Степь» проникнута двояким чувством: жизнь и прекрасна, и страшна.

Великолепен чеховский степной пейзаж, создающий светлый колорит, могучую, свободную широту всего произведения.

Чехов поэтически открыл степь, явился первым художником, раскрывшим под кажущимся однообразием пейзажа целый мир красок и звуков. Собственные детские впечатления от поездок по донецкой степи помогли ему передать чистоту и свежесть детского восприятия мира, соединенную с мудрым взглядом художника.

Все наполнено в «Степи» молодостью, захватывающей новизной всех восприятий и чувств.

Мы вдыхаем страстный аромат степных трав и цветов, чувствуем всем существом, как великолепно и широка жизнь!

Степь начинает казаться живым, прекрасным существом, томящемся о счастье, и как будто слышно, как она дышит, как вздымается ее грудь. И незаметно этот живой образ начинает сливаться с образом самой родины, тоскующей о счастье.

«Едешь час-другой... Попадается на пути молчаливый старик или каменная баба, поставленная бог знает кем и когда, бесшумно пролетит над землей ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и все то, что сам успел увидеть и постичь душою. И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в голубом небе, в лунном свете, в полете ночной птицы – во всем, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей. И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознает,

что... богатство ее и вдохновение гибнут даром...»¹.

Неудержимое стремление могучей страны к жизни, достойной ее богатства и вдохновения, к расцвету всех творческих сил пронизывает чеховский образ степи.

«Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатырское тянулось по степи вместо дороги... Своим простором она возбудила в Егорушке недоумение и навела на сказочные мысли. Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? Непонятно и странно. Можно подумать, что на Руси еще не перевились громадные, широко шагающие люди, вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника, и что еще не вымерли богатырские кони»².

Повесть заканчивается словами: «Какова-то будет эта жизнь?». В этом вопросе и жажда перемен, и вера в их близость, и тревога за то, лучше ли станет от них людям.

России к лицу богатырский размах – вот поэтическая мысль, образующая лейтмотив «Степи».

1.2. А. П. Чехов. Рассказ «Попрыгунья»

Большой интерес для понимания и характера любимого чеховского героя, и всех художественных особенностей творчества писателя представляет рассказ «Попрыгунья». Это рассказ о «незаметном», «маленьком» человеке докторе Дымове. Дымов – мужественный и сильный человек, чья душевная мягкость, доброта, робкая, всегда немножко виноватая деликатность, простота лишь подчеркивают его железную волю, богатырскую неутомимость в труде, настойчивость в достижении цели, героическую преданность своей науке. Во всем облике Дымова мы угадываем черты большого русского ученого типа Сеченова. Чехов глубоко чувствовал национальный характер людей этого склада, повседневный героизм их исполинского труда, их беспредельную скромность, нравственную силу, несгибаемое упорство, благородную любовь к Родине и народу, преданность делу культуры. Создавая образ Дымова, Чехов вложил в него свое

¹ Чехов, А. П. Рассказы / А. П. Чехов. – М., 2002. – С. 67.

² Там же. С. 68.

восхищение и преклонение перед типом русского ученого. Антон Павлович и сам по всему складу своего характера, своего художественного метода, своего исследовательского отношения к жизни и писательскому труду больше чем кто бы то ни было из писателей приближался к типу русского ученого. И ученые чувствовали и чувствуют это.

Жена Дымова – «попрыгунья», отдавшая всю свою жизнь поискам «великого человека», изящная дилетантка, обнаруживающая способности в разнообразных сферах искусства.

Среди знаменитостей, окружающих жену Дымова, он представляется слишком обыкновенным, ординарным, незначительным.

А когда Дымов умирает, заразившись дифтеритом от мальчика, у которого высасывал через трубочку дифтеритную пленку, то один из его коллег, доктор Коростелев, говорит Ольге Ивановне, жене Дымова: «Умирает, потому что пожертвовал собой... Какая потеря для науки! – сказал он с горечью. – Это, если всех нас сравнить с ним, был великий, необыкновенный человек! Какие дарования! Какие надежды он подавал нам всем! – продолжал Коростелев, ломая руки. – Господи боже мой, это был бы такой ученый, которого теперь с огнем не найдешь...»³.

А Ольга Ивановна не заметила, не поняла, что *великий человек*, поисками которого она занималась всю свою жизнь, жил рядом с нею. Она проглядела, «пропрыгала» главное, не поняла ни красоты, ни силы Дымова, не сумела увидеть *необыкновенное в обыкновенном, в чем и содержится мораль произведения*.

1.3. А. П. Чехов. Рассказ «Крыжовник»

Чехов презирал самые основы собственнического строя жизни и упорно, со всей художественной силой разоблачал в целом цикле своих произведений все ничтожество, всю презренность эгоистического, своекорыстного, собственнического «счастья», основанного на несчастьях и унижениях множества людей.

³ Чехов, А. П. Рассказы / А. П. Чехов. – М., 2002. – С. 24.

Замечателен с этой точки зрения рассказ «Крыжовник». Герой произведения Иван Иванович рассказывает историю своего брата, Николая Ивановича, бывшего чиновника казенной палаты. Всю свою жизнь Николай Иванович мечтал о собственной усадьбе, и обязательно со своим крыжовником. «Он был добрый, кроткий человек, я любил его, но этому желанию запереть себя на всю жизнь в собственную усадьбу я никогда не сочувствовал. Приятно говорить, что человеку нужно только три аршина земли... (Чехов подразумевает реакционную толстовскую проповедь о том, что человеку нужно только три аршина земли... для могилы.) Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего духа».

Таково представление Чехова о настоящем человеческом счастье: не своя усадьба, не узкий собственный мирок, а беспредельная свобода, широта, смелое творчество!

Мечта Николая Ивановича осуществилась, и Иван Иванович поехал проводить брата. Описание усадьбы становится символическим: каждая строчка разоблачает собственническое состояние разума:

«Иду к дому, а навстречу мне дикая собака, толстая, похожая на свинью. Хочется ей лаять, да лень. Вышла из кухни и кухарка, голоногая, толстая, тоже похожа на свинью, и сказала, что барин отдыхает после обеда. Вхожу к брату, он сидит в постели, колени покрыты одеялом; постарел, располнел, обрюзг; щеки, нос и губы тянутся вперед – того и гляди, хрюкнет в одеяло»⁴.

И вот, наконец, появляется на столе не купленный, а свой собственный крыжовник, собранный в первый раз с тех пор, как были посажены кусты. Николай Иванович «с жадностью ел и все повторял: “Ах как вкусно! Ты попробуй!”

Было жестко и кисло, но, как сказал Пушкин, “тмы истин нам дороже нас возвышающий обман”».

Как невкусно, кисло, противно все свинское счастье собственничества!

Счастья нет и не должно его быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом. Делайте добро!»

⁴ Чехов, А. П. Рассказы / А. П. Чехов. – М., 1998. – С. 73.

Иван Иванович не может ответить на вопрос, какое добро нужно делать, чтобы полетело к черту, в пропасть гнусное собственническое «счастье», о низости которого кричит своими цифрами немая статистика. Но он ясно понимает, что необходима борьба против всего этого порядка жизни.

Такая зрелость гнева, такое острое чувство, что нельзя так жить человеку, что нужно немедленно, сейчас же отчищать землю от хлебов своекорыстного «счастья», построенного на несчастьях подавляющего большинства людей, – во всем этом ясно звучали мотивы кануна, непосредственной близости великой перемены всей жизни, призыв к возмущению против спокойствия наглых и сытых.

«Крыжовник» ясно показывает нам некоторые характерные особенности чеховского стиля: на наших глазах маленькая невинная ягодка крыжовника расширяется, растет, набухает, становится, наконец, грандиозной, заслоняет весь земной шар, превращаясь в насмешливый символ. Власть собственности накладывает свою тяжелую лапу на все, делает все на свете «невкусным», жестким, кислым, отвратительным, лишает жизнь ее радости.

1.4. А. П. Чехов «По делам службы». «Ионыч»

В рассказе «По делам службы» (1899) молодой судебный следователь Лыжин приезжает вместе с доктором в село на вскрытие трупа самоубийцы. Метель, унылый, нищенский неуют крестьянской жизни, темная земская изба, самоубийство какого-то неудачника, страхового агента, фигура старика сотского («цоцкай», как он называл себя), который вот уже тридцать лет в непогоду, стужу, ветер, мороз «ходит по форме», разнося в своей сумке пакеты, повестки, бланки, окладные листы, – все это оседает тяжелым сумраком в душе Лыжина. Темная, глухая, холодная жизнь!

На ее фоне представляется каким-то невозможным, волшебным видением теплый, уютный, праздничный помещичий дом (куда приезжают из села доктор и следователь), изящные барышни, комфорт, музыка, веселый смех...

Лыжину «такое превращение казалось... сказочным; и было невероятно, что такие превращения возможны на протяжении каких-нибудь трех верст, одного часа. И скучные мысли мешали ему веселиться, и он все думал о том, что все здесь случайно, никакого вывода сделать нельзя...».

Следователь провел беспокойную ночь в мягкой, удобной постели в барском доме; ему казалось во сне, что он не в гостях у помещика, а все еще в земской избе, где лежит труп страхового агента. И он увидел странный сон. Будто самоубийца и старик «цоцкай» «...шли в поле по снегу, бок о бок, поддерживая друг друга; метель кружила над ними, ветер дул в спины, а они шли и подпевали: “Мы идем, мы идем, мы идем...”

Старик был похож на колдуна в опере, и оба в самом деле пели точно в театре: “Мы идем, мы идем, мы идем... Вы в тепле, вам светло, вам мягко, а мы идем в мороз, в метель, по глубокому снегу... Мы не знаем покоя, не знаем радостей... Мы несем на себе всю тяжесть этой жизни, и своей и вашей... У-у-у! Мы идем, мы идем, мы идем...”

Лыжин проснулся и сел в постели. Какой смутный нехороший сон!»⁵.

Он раздумывает о своем сне, и его «давняя затаенная мысль» впервые «развернулась в его сознании широко и ясно». Это мысль о том, что в жизни нет никаких самостоятельных «отдельных кусков», «отрывков», а все связано между собой теснейшей связью, что и несчастный, надорвавшийся человек, лишивший себя жизни, и «старик мужик, который всю свою жизнь каждый день ходит от человека к человеку», и праздничный мираж помещичьего дома – все это лежит на его, Лыжина, совести, за все это он, лично он несет всю ответственность.

«И он чувствовал, что это самоубийство и мужицкое горе лежат на его совести; мириться с тем, что эти люди, покорные своему жребию, взвалили на себя самое тяжелое и темное в жизни, – как это ужасно! Мириться с этим, а для себя желать светлой, шумной жизни среди счастливых, довольных людей и постоянно мечтать о такой жизни – это значит мечтать о новых самоубийствах людей, задавленных трудом и заботой... И опять: “Мы идем, мы идем, мы идем...”

Точно кто стучит молотком по вискам»⁶.

Такова русская совесть: она назойливо стучит молотком, не дает уснуть, от нее никуда нельзя уйти.

⁵ Чехов, А. П. Рассказы / А. П. Чехов. – М., 1998. – С. 35.

⁶ Там же. С. 36.

Все любимые Чеховым герои его произведений презирают низменное собственническое счастье и жалкий уют, стремятся к жизни, достойной человека.

Те люди, которые отказываются от мечты о чистом, светлом будущем, от поисков путей к нему, капитулируют перед гнусной, оскорбительной действительностью собственнического общества, превращаются в живых мертвецов. Именно таков Ионыч, всю историю жизни которого мы узнаем из небольшого рассказа. Перед нами начинающий врач, только что окончивший университет. Душа его открыта для поэзии и красоты жизни. Но, быть может, не так глубоки были в нем источники этой поэзии и красоты, если любовная неудача отвратила его от каких бы то ни было стремлений к чистой, разумной жизни и он поддался окружающей его пошлости, превратился в жадного приобретателя. Его не интересуют ни труд врача, ни больные, он утратил какие бы то ни было духовные интересы и стремления. Страшен его внутренний мир своей пустотой, отсутствием жизни. Да, он заживо превратился в мертвеца! Жизнь возможна только там, где есть идейный поиск, мечта о счастье, стремление к борьбе за него. Ионыч, в сущности, перестал быть человеком, поддавшись влиянию пошлой действительности.

Заключение

Произведения Чехова учат многому читателя: они учат отличать правду от лжи, презирать и ненавидеть ложь; они воспитывают отвращение к пошлости и грубости, хамству и холопству, учат уважать человека – в себе и в других, учат человеческому достоинству; они воспитывают понимание красоты труда, творчества, созидания.

Произведения Чехова воспитывают умение видеть красоту в жизни – в жизни, самой обыденной, повседневной, и отличать от красоты душевное уродство, каким бы рядом оно ни прикрывалось.

Гениальные творения писателя воспитывают культуру человеческих чувств. Они учат тому, что нельзя жить мелкой жизнью, что жизнь без высокой, захватывающей идейной цели – не настоящая жизнь. Произведения Чехова учат любви к Родине. Они учат красиво жить, красиво думать и красиво чувствовать.

Поэтому произведения А. П. Чехова интересны читателю XXI века.

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», – говорит доктор Астров в пьесе «Дядя Ваня». Таков завет Чехова.

Литература

1. Валагин, А. П. Прочитаем вместе : комедии Д. Фонвизина, А. Грибоедова и др. : книга для учащихся / А. П. Валагин. – М. : Просвещение, 1991. – 79 с.
2. Гурвич, И. А. Проза Чехова. Человек и действительность / И. А. Гурвич. – М. : Худ. лит., 1970. – 183 с.
3. Дерман, А. О. О мастерстве Чехова / А. О. Дерман. – М., 1959.
4. Паперный, З. С. Вопреки всем правилам. Пьесы и водевили Чехова / З. С. Паперный. – М., 1982. – 285 с.
5. Семанова, М. А. Чехов-художник / М. А. Семанова. – М. : Просвещение, 1976. – 224 с.
6. Чудаков, А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. – М. : Наука, 1971. – 292 с.
7. Чудаков, А. П. Мир А. П. Чехова : Возникновение и утверждение. – М. : Сов. писатель, 1986. – 379 с.
8. Чуковский, К. Современники / К. Чуковский. – М. : Мол. гвардия, 1967. – 590 с.
9. Чехов, А. П. Сочинения : в 18 т. / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – М. : Наука, 1975. – Т. 2 : «Весь в дедушку». Рассказы. – М., 1998.

К. Буланенко

САХАЛИНСКИЕ СТРАНИЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

Имя Антона Павловича Чехова широко известно во всем мире. В XX веке интерес к творчеству писателя возрос во много раз, и свидетельствуют об этом многочисленные семинары и конференции, посвященные изучению произведений великого писателя. Чехов известен всему миру как великий русский писатель-реалист, обличитель мира пошлости и мещанства, несравненный художник слова. Он поднял на недостижимую высоту жанр рассказа-новеллы и сказал новое слово в драматургии. И, конечно же, огромный вклад в копилку его произведений добавила поездка на Сахалин, после которой выходит книга, которая так и называется «Остров Сахалин», привлекающая внимание не только современников, но и исследователей на длительное время вперед. Прошло более 100 лет, а сахалинские путевые очерки с массой статистического материала, включающего около восьми тысяч сохранившихся опросных листов, заполненных Чеховым во время переписи населения, не перестают приковывать к себе внимание исследователей со всего мира. Все еще не однозначны мнения по поводу жанра книги, хотя сам писатель определил его как «историко-критический очерк каторги». По-разному трактуется образ автора. Продолжается обсуждение идейного содержания, структуры, причин незавершенности произведения. Такая притягательная сила, по мнению профессора, председателя Чеховской комиссии совета по истории мировой культуры РАН В. Б. Катаева, кроется во внутренней энергии книги, которая оказалась созданной не на сиюминутный эффект, а на века. Еще в советское время тщательно изучала чеховский труд о Сахалине известная исследовательница творчества писателя М. А. Семанова. Она писала: «В сахалинской книге обозначен временной старт, но нет временного финиша <...> исследование не закончено, оно будет закончено другими <...> Книга – это не итог, а процесс исследования забытого современниками участка жизни <...> Это дума человека, художника и публициста о своем времени, поиски решения сложных социальных, нравственных вопросов, драматические поиски, которые не могли быть в ту пору

завершены». На сегодняшний день комментарии М. А. Семановой к книге «Остров Сахалин», опубликованные в 30-томном собрании сочинений и писем, остаются наиболее полными, хотя требуют значительных поправок и дополнений. Тем не менее огромная заслуга в том, что ей впервые удалось подробно исследовать творческую лабораторию писателя в процессе работы над книгой, восстановить имена многих безымянных персонажей.

Сам А. П. Чехов к выходу своей книги относился двояко. В марте 1895 г. он писал издателю А. С. Суворину: «Итак, "Сахалин" мы выпускаем, не дожидаясь разрешения. Книга выходит с массой примечаний, анекдотов, цифр... Авось пройдет. А не пройдет – так тому и быть, все равно умирать». Можно предположить, что за этими словами скрывается скептическое отношение к работе, которая длилась с перерывами три с половиной года и давалась автору вначале с большим трудом. Однако еще раньше, в январе 1894 г., в другом известном письме тому же адресату, полушутя, но давая почувствовать, каково его настоящее удовлетворение «Сахалином», он писал: «И я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть сей жесткий арестантский халат. Пусть висит!»

В письмах к писателю неоднократно звучали предостережения о возможном запрете на книгу, но, несмотря на это, Чехов ждал ее с нетерпением. 9 мая 1895 г. он получил известие от редакции журнала «Русская мысль» о выходе книги в свет. С этого момента началась самостоятельная долгая жизнь произведения, претерпевшего испытания временем.

Именно этой книге было суждено открыть Сахалин для России и всего мира. Ее перевели на иностранные языки и издали за рубежом более 30 раз. Первый перевод вышел в Италии в 1906 г., а затем в 1925 г. в Токио. Много раз переиздавали «Остров Сахалин» в США, Германии и Франции. Исследователи изучали причины поездки Чехова на Сахалин, причем выдвигали много разнообразных версий.

Исследователь Бруно Озимо в итальянском издании «Острова Сахалин» 1998 г. обозначает новое направление в изучении проблематики. Автор проводит параллель между работой Фрейда над новой концепцией подсознания человека и поездкой Чехова на Сахалин. В своей статье он говорит о том, что для понимания России нужно заглянуть глубоко в ее подсознание. В XIX веке это смог только Чехов.

В 2005 г. исполнилось 110 лет со дня выхода книги «Остров Сахалин» А. П. Чехова. К этой дате Сахалинское областное книжное издательство в соответствии с распоряжением губернатора Сахалинской области И. П. Фархутдинова от 5.03.2003 г. № 107-ра «Об утверждении перечня краеведческой литературы для первоочередного издания на 2003–2010 гг.» выпустило в свет новое переиздание сахалинских очерков А. П. Чехова. Это 21-я полная публикация «Остров Сахалин» в России. В разные годы книга выходила как отдельным изданием, так и в собрании сочинений писателя с комментариями известных литературоведов (М. Теплинский, Н. Гитович, М. Семанова, В. Катаев) и историков (А. Рыжов, А. Крушанов).

Сахалинская поездка А. П. Чехова достаточно хорошо изучена и достойно освещена в российской и зарубежной историографии. О ней написано много статей, прочитано множество сообщений и докладов на различных научных конференциях, конгрессах и международных симпозиумах. В то же время «Остров Сахалин» признается самым не прочитанным из всех чеховских произведений.

Известно, что А. П. Чехов хотел представить очерки о каторжном Сахалине как диссертационное исследование. Такое желание вызвано не тщеславием – эта черта была чужда ему, а стремлением к преподавательской деятельности. Чехов мечтал обучить студентов начальному курсу терапии «Пропедевтика внутренних болезней», а для этого ему была необходима ученая степень доктора медицины.

Поездка на Сахалин задумывалась Чеховым с целью «заняться серьезным научным трудом», «написать хоть 100–200 страниц и этим немножко заплатить своей медицине». В письме С. П. Дягилеву от 20 декабря 1901 г. А. П. Чехов признавался: «“Остров Сахалин” написан в 1893 г. – это вместо диссертации, которую я замыслил написать после 1884 г.».

Пришлось считать, что появление книги в целом прошло незамеченным среди современников. Однако огромный массив источников опровергает бытующее мнение. Уже первые отзывы говорили о ее научной новизне и важности. Журнал «Неделя» в рубрике «Новые книги» опубликовал информационное сообщение: «“Остров Сахалин” – очень серьезный вклад в изучение России <...> Много хватающих за сердце подробностей собрано в этой книге, и нужно желать только, чтобы они обратили на себя внимание тех, от кого зависит судьба “несчастных”».

В настоящее время исследования в этом направлении продолжают чеховедами из разных городов страны. На Сахалине данной проблематикой занимаются краеведы, специалисты архивного и музейного дела, в том числе сотрудники литературно-художественного музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», открытого в островной столице в 1995 г. За годы своей деятельности музей собрал множество материалов, отражающих жизнь книги «Остров Сахалин» в России и за рубежом, от момента ее создания до сегодняшних дней. Среди его посетителей было немало журналистов и писателей, проехавших по «сахалинскому маршруту» А. П. Чехова и отразивших свое путешествие в монографиях и научно-популярных статьях. К сожалению, не всегда приятны современные взгляды на причины поездки Чехова на «остров отверженных». Так, в одном из отечественных изданий представлены четыре писательских взгляда на фигуру А. П. Чехова через сто лет после его смерти. Они открывают некоторые новые грани личности русского классика и предлагают свежие подходы к освоению его творческого наследия. И тут совершенно неожиданным явилось высказывание известного писателя конца XX века А. Битова. Он, по всей видимости, мало знаком с данной темой, если позволил себе написать следующее: «Иначе – зачем ему (Чехову) было отправляться в Японию сухопутным путем, зная свой диагноз, через всю Сибирь, через весь Сахалин? Чтобы, как он писал в письме кому-то, пересчитать японских б..?».

Как тут ни позволить себе опровергнуть мнение современного прозаика! Во-первых, в 1890 г. такой диагноз Чехову еще не был поставлен. Во-вторых, о подобной версии своего путешествия на Сахалин, а не в Японию, Чехов нигде не упоминает, а если Битов и нашел такие строки в ранее неизвестном письме, то ему следовало бы сделать ссылку на источник. Совершенно нелепо звучит мысль: «На Японию как раз у него (Чехова) сил и не хватало». Видимо, автору не было известно о том, что в Стране восходящего солнца в это время был объявлен карантин из-за эпидемии холеры, поэтому пароход «Петербург» не имел возможности зайти в планируемый порт Нагасаки. Ошибся Битов и в другом. По его мнению, книгу «Остров Сахалин» никто, кроме специалистов, не читал. С этим согласиться никак нельзя. Ее читают учащиеся старших классов общеобразовательных школ, студенты гуманитарных вузов, художники, писатели, в кон-

це концов, иностранные туристы. Ей посвящены пьесы «На всю жизнь» сахалинского писателя М. Финнова (1977 г.) и «Сахалинская жена» московского драматурга Е. Греминой (1995 г.).

В целом, говоря о некоторых современных концепциях значимости книги «Остров Сахалин», ее интерпретации иностранными исследователями, можно сказать, что книга еще до конца не изучена. В основе предисловий и послесловий к зарубежным изданиям лежит пересказ известных фактов, сюжетов. Переводчики сосредотачиваются на социологических проблемах, на описании Чеховым сахалинского быта, не позволяя себе делать глубоко научные историко-литературоведческие и культурологические выводы о том, насколько Чехов был осведомлен о проблемах Сахалина и каторги, что он увидел и понял в соответствии с действительностью.

В начале ХХI в. обозначилась тенденция популярности книги в мировом культурном пространстве. Все больше она притягивает не только филологов и историков, но и юристов, тюрьмоведов, психологов, социологов, политологов, то есть людей разных специальностей, а также общественных деятелей. Она привлекает читателя поставленными автором вопросами, неразгаданными противоречиями, смелостью в том главном деле, для которого призван писатель изображать правду и говорить о правде, обличая ложь и фарисейство.

П. Губанова, В. Фролова

ОТРАЖЕНИЕ САХАЛИНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

Введение

Цель: на основе прочитанных произведений проследить отражение сахалинских впечатлений в творчестве А. П. Чехова.

Задачи:

- 1) пополнить свои знания новыми данными о творчестве А. П. Чехова;
- 2) проанализировать его рассказы о Сахалине.

Метод работы: частично-поисковый.

Актуальность выбранной проблемы. Жители Сахалинской области высоко ценят произведения А. П. Чехова. Великий писатель дорог тем, что в черную годину реакции и безвременья он совершил свой беспримерный для того времени подвиг – посетил наш остров и поднял свой могучий голос протеста против преступлений самодержавия, чинимых на Сахалине.

В современном литературоведении является общепризнанным то огромное значение, которое имела поездка на Сахалин в жизни и творчестве Антона Павловича Чехова. Между тем среди многих работ о Чехове фактически нет ни одной, которая специально была бы посвящена исследованию основных вопросов, связанных со знаменитым путешествием великого писателя.

В работе использованы следующие источники: статьи С. Фельдмана о Сахалине, письма А. П. Чехова к брату Александру; также мы посетили нашу городскую библиотеку, узнали, что сохранились книги с автографом самого автора.

Эта работа дополнила наши знания о великом писателе, пробудила интерес к личности Чехова. Мы заново перечитали его рассказы о Сахалине, осмыслили их и гордимся, что писатель жил в нашем городе, выросшем на месте каторги, которая могла бы много рассказать о тех временах и о самом писателе.

1. Новые материалы о сахалинской жизни в творчестве А. П. Чехова

Долгое время считалось, что у А. П. Чехова среди его рассказов, повестей, пьес нет ни одного произведения, специально посвященного сахалинской жизни. Между тем обнаруженные совсем недавно воспоминания С. Фельдмана свидетельствуют, что Чехов, еще будучи на Сахалине, создал ряд небольших очерков исключительно на местном материале. Часть сахалинских очерков была посвящена детям каторжных. Кроме того, Чехов написал большой рассказ из бродяжничества «беглых». Судя по этим воспоминаниям, когда Чехов был в Корсакове, то «в ударе» он читал немногочисленной аудитории юморески из жизни сахалинских чиновников: «Эти юморески не предназначались для печати. И тут же, по прочтении, безжалостно уничтожались». К числу написанных на Сахалине произведений С. Фельдман относит также целую комедию. «После Чехова осталась много очерков, рассказов и даже одна трехактная комедия, не появившаяся в печати “по независящим от автора обстоятельствам”», – писал С. Фельдман.

Эти очерки, рассказы и комедия написаны Чеховым в бытность его на Сахалине и рисуют исключительно сахалинские нравы.

Так, например, в комедии, озаглавленной «Генерал Кокет», выведено одно видное, служившее некогда на Сахалине лицо, нарисованное с присущим Чехову мастерством и юмором. Чехов читал эту пьесу некоторым своим сахалинским знакомым, и, судя по их отзывам, комедия написана очень интересно и колоритно. Но у произведения была сложная судьба.

В 1892 году Чехов писал одному из своих добрых друзей, что пьеса совершенно готова к печати, но издание ее сопряжено с некоторыми затруднениями.

Это сообщение о комедии «Генерал Кокет» (в литературе о комедии до последнего времени не было ни одного упоминания) очень интересно. К сожалению, других прямых подтверждений существования произведения под таким названием не имеется. Мария Павловна Чехова писала: «Насчет пьесы Антона Павловича “Генерал Кокет” ровно ничего не знаю. В разговорах со мной он никогда не упоминал о такой пьесе» (письмо от 16 июля 1956 г.).

Между тем слухи о том, что Чеховым написана какая-то пьеса из сибирской жизни (тогда Сахалин включался в понятие «Сибирь»), проникли и в печать. В одной из московских газет летом 1893 года было написано, что он окончил новую комедию, героем которой является один из сосланных в Сибирь известных петербургских дельцов. Редактор журнала «Северный вестник» Л. Я. Гуревич, заинтересованная в сотрудничестве с Чеховым, отправив ему вырезку из газеты с этим сообщением, спрашивала: «Многоуважаемый Антон Павлович, правда ли это, и если правда, то не подойдет ли это для нас?».

Чехов, отвечая Гуревич, в чрезвычайно решительных тонах отверг газетное сообщение. В письме к Суворину, имея в виду ту же заметку в газете, писатель сообщил: «Пьесы из сибирской жизни я не писал и забыл о ней». В данном случае Чехов выражается не столь решительно, как в письме к Гуревич: если он «не писал» пьесы, то как он мог «забыть» о ней? Стало быть, хотя бы мысль о пьесе существовала. В связи с этим можно вспомнить одну фразу из письма Чехова к Егорову (26 января 1892 г.): «Увы! Пьеса моя поставлена не будет». Известно, о какой именно пьесе идет речь – может быть, о комедии «Генерал Кокет»?

В то же время нельзя не обратить внимание на совершенно уверенный тон воспоминаний С. Фельдмана: он сообщает о пьесе Чехова как о несомненном факте, ссылаясь даже на то обстоятельство, что автор читал уже законченную комедию своим сахалинским знакомым. Кстати говоря, «Кокет» на Сахалине действительно существовал – так иронически называли начальника Александровского округа С. И. Таскина; это прозвище встречается в письмах сахалинцев к Чехову.

Но, как бы то ни было, комедия Чехова, о которой сообщает Фельдман, до сих пор, к сожалению, не найдена.

2. Положение женщины в произведениях А. П. Чехова

8 декабря 1890 г. писатель прибыл в Москву, а 23 декабря он уже послал для опубликования рассказ «Гусев», который писатель задумал и начал еще во время путешествия домой – на о. Цейлоне (Коломбо).

Во время обратного путешествия Чехов видел, как двое покойников были брошены с парохода в море, наблюдение послужило основой для рассказа, посвященного, прежде всего, печальной судьбе забитого русского крестьянина, попавшего солдатом на Дальний Восток и умершего по пути домой.

Прошло несколько месяцев, и Чехов летом 1891 г. написал рассказ «Бабы» (он создавался параллельно с работой писателя над «Островом Сахалин»). На Сахалине Чехову приходилось встречаться с женщинами, осужденными «за преступление романтического и семейного характера: “За мужа пришла”; “За свекровь пришла”... Это все больше убийцы, жертвы любви и семейного деспотизма”.

В документальной книге о каторге писатель, естественно, не мог излагать своих соображений об этих «жертвах», но в рассказе «Бабы» он воссоздает печальную историю Машеньки, отданной замуж еще молодой – ей было тогда 17 лет – за нелюбимого человека. Рассказ ведется от имени Матвея Саввича, развратника и лицемера, которого на свою беду полюбила Машенька и который, после того, как она ему надоела, начал, вспоминая Бога, уговаривать несчастную женщину покориться и покаяться перед мужем. Слезы Машеньки, ее отчаянные слова: «Не могу жить с постылым, сил моих нет! Если не любишь, то лучше убей!» – не трогают бессердечного Матвея Саввича. Муж жестоко избивает «неверную жену». Измученная Машенька не выдержала и решилась на крайний шаг – она отравила мужа и была осуждена на каторжные работы.

Так художественное произведение раскрывает перед нами один из многих трагических случаев, приводивших женщин на Сахалин, так выясняется, что имел в виду Чехов, когда написал о «жертвах любви и семейного деспотизма».

Правда, Машенька не попала на Сахалин: она умерла в тюрьме, но, несомненно, что именно сахалинские встречи могли внушить писателю мысль о подобном рассказе.

3. Образ крестьянина в произведениях А. Чехова

В мае 1892 г. был опубликован новый рассказ Чехова «В ссылке». Уже одно название наталкивает на мысль, что и здесь отразились впечатления писателя о всероссийской ссылке на острове Сахалине. Действительно, хотя события,

описанные в рассказе, и происходят в Сибири, нет никаких сомнений, что именно сахалинские наблюдения положены в основу этого произведения. Это можно показать даже путем простого сопоставления текстов рассказа и книги о Сахалине.

На острове Чехов встретил бродягу по прозвищу Красивый – босого, подвижного старика. На каторге он «управлял» перевозом через реку Дуйку (в районе Александровска). Перевозчик этот поразил писателя не только добродушным видом, но – неожиданной на каторге – полной удовлетворенностью жизнью. Он всем доволен, всем безропотно повинует, желаний у него никаких нет: «слава тебе, господи!».

В рассказе «В ссылке» в центре – бродяга Семен, прозванный Толковым, тоже перевозчик. И Толковый активно проповедует своеобразную философию непротивления:

«В ссылке»

«Уж двадцать два года так хожу. День и ночь. Шука и нельма под водой, а я над водой. И слава богу.

Ничего мне не надо. Дай бог всякому такой жизни» (VIII, 81).

«Остров Сахалин»

«Он (Красивый) рассказывает, что на Сахалине за все 22 года он ни разу не был сечен и ни разу не сидел в карцере.

– Потому что посылают лес пилить – иду, дают вот эту палку в руки – беру, велят печи в канцелярии топить – топлю. Повиноваться надо. Жизнь, нечего бога гневить, хорошая. Слава тебе, господи!» (X, 47).

Семен Толковый счастье жизни видел в отсутствии всякого желания. Он сам дошел до того, что может «голый на земле спать и траву жрать», и тут же добавляет: «И дай бог всякому такой жизни. Как прислали меня сюда из России, я с первого же дня уперся: ничего не хочу!.. Уперся на своем и вот, как видишь, хорошо живу, не жалуясь» (VIII, 81).

Нельзя не видеть, разумеется, в этих рассуждениях той пассивности, которая под влиянием векового угнетения была присуща определенной части русского крестьянства. Об этом, как известно, много писал Лев Толстой. Чехов, сам испытывавший в свое время некоторое влияние толстовской

философии, к началу 90-х гг. сумел преодолеть это влияние. И, интересно отметить, именно после сахалинского путешествия (быть может, после встреч с бродягой Красивым и ему подобными) Чехов уясняет всю ложь проповедей о непротавлении, смирении, покорности, проповедей, которые особенно фальшиво звучали на острове Сахалине, где угнетение человека было доведено до предела. Недаром писатель особо отмечал, что до поездки на Сахалин «Крейцера соната» Л. Толстого была для него событием, а теперь кажется смешной и бестолковой.

Исследователями уже отмечалось, что в противоположность Л. Толстому, обычно идеализировавшему «непротавленцев», рисовавшему их любвеобильными и высоко нравственными, Чехов показывает Толкового как человека недобросовестного и злорадного. И не случайно рассуждения Толкового вызывают такой живой протест со стороны татарина (пользующегося всеми симпатиями автора), который, не желая мириться с несправедливостями жизни, страстно спорит с перевозчиком: «Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значит, ты не живой, а камень, глина. Камню надо ничего, и тебе ничего».

Так в рассказе, созданном на материале живых наблюдений над жизнью каторжных, Чехов выступил противником той рабьей философии покорности и непротавления, пропагандистом которой был Л. Н. Толстой.

Летом 1895 г. вышло в свет отдельное издание книги «Остров Сахалин», а осенью того же года был опубликован чеховский рассказ «Убийство», который, кажется, в наибольшей степени является результатом раздумий писателя над судьбой ссыльнокаторжных, условиями их жизни на Сахалине и т. д. «Несомненно, – пишет Михаил Чехов, – что самая тема для рассказа “Убийство” была привезена Антоном Павловичем из Сахалина».

Рассказав историю одного убийства (на религиозной почве), Чехов в заключительной главе вновь напомнил читателям о тех неимоверно тяжелых условиях, в которых принуждены были жить ссыльные на Сахалине. «На Дуйском рейде на Сахалине поздно вечером остановился иностранный пароход и потребовал угля... Попросили командира подождать до утра, но он не пожелал ждать и одного часа...». И тогда «из Воеводской тюрьмы, самой неприглядной и суровой из всех

сахалинских тюрем погнали в рудники партию арестантов». Арестанты работали весь день. Утомленные, обессиленные тяжелым трудом, они не успели даже заснуть, как их снова погнали (именно погнали), Чехов подобрал очень точное слово, в тот же рудник, откуда они еще так недавно вернулись. «Каторжники, только что поднятые с постелей, сонные, шли по берегу, спотыкаясь в потемках и звеня кандалами. Им предстояло нагрузить баржи углем, а затем перегрузить его на пароход – мучительная работа, когда баржу бьет о пароход и рабочие едва держатся на ногах от морской болезни».

Яков Иванович (его образ – центральный в рассказе) в прошлой жизни видел только темноту, дикость, бессердечие и тупое, суровое, скотское равнодушие людей, а на каторге от всех ужасов и страданий, которые ему пришлось испытать и «которые, очевидно, будут без перерыва продолжаться до самой смерти, у него трясутся, как у пьяницы, руки и ноги». Яков Иванович ищет утешения в вере в бога – это было разновидностью той самой пассивной философии, которую Чехов так гневно заклеил еще в рассказе «В ссылке». Но нельзя не почувствовать сочувствия писателя мечте своего героя «прожить без страданий хотя бы один день».

Прошло пять лет. В конце 1899 г. Чехов закончил работу над одним из самых выдающихся своих произведений – повестью «В овраге», посвященной широкому изображению деревенской жизни. Один из эпизодов повести (там, где речь идет о ссылке сына старика Цыбукина – фальшивомонетчика Анисима) также восходит к сахалинским наблюдениям писателя.

Итак, из многих произведений Чехова, написанных в 1890-х гг., лишь в пяти («Гусев» – 1890 г., «Бабы» – 1891 г., «В ссылке» – 1892 г., «Убийство» – 1895 г., «В овраге» – 1899 г.) отразились в той или иной степени впечатления от его сахалинского путешествия и от наблюдений за жизнью каторжных. Казалось бы, впечатления эти проявились недостаточно широко в художественном творчестве писателя, но на самом деле это не так. Даже если бы сахалинские наблюдения вообще не нашли прямого отражения ни в одном из рассказов или повестей Чехова, все равно мы с полной уверенностью могли бы сказать, что путешествие на о. Сахалин не прошло бесследно для всего творчества писателя; мало того, явилось одним из поворотных пунктов в его творческом развитии.

После возвращения в Москву Чехов сказал: «Да, много чего я там насмотрелся... много чего передумал!».

В этом главное – не в том даже, как непосредственно преомились новые наблюдения в художественном творчестве, а в том, что путешествие на Сахалин расширило у Чехова чувство жизни, чувство любви к обездоленной и поруганной самодержавием Родине.

Сахалин для А. П. Чехова был тем местом, где, как в фокусе, отразились все противоречия общественной жизни дореволюционной России – России, убогой и обильной, могучей и бессильной. После Сахалина писатель с особой остротой почувствовал тюремную духоту, пустоту, скуку и тяжесть всей тогдашней русской жизни.

«Ах, подруженьки, как скучно! – восклицает он в письме 1891 г. – Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа... Нужен хоть кусочек, а эта жизнь в четырех стенах, без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита – это не жизнь...».

Но не только ощущение тяжести, пустоты и скуки вынес А. П. Чехов после поездки на остров. Сахалин в значительной степени усилил, отточил в писателе его протест против произвола, дикости и невежества самодержавия. И совершенно не случайно через полтора года после посещения острова Чехов пишет «Палату № 6» – произведение, о котором молодой В. И. Ленин рассказывал своей сестре: «Когда я дочитал вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог остаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня такое ощущение, точно я заперт в “Палате № 6”».

Заключение

Пребывание на Сахалине оставило в сознании А. П. Чехова неизгладимое впечатление на всю жизнь. Много месяцев спустя после поездки ему снились в кошмарах страшные сцены наказания людей плетью, голодные измученные дети и женщины, умирающие каторжники с прикованными навечно к телу тачками и т. д.

И все же поездка дала писателю много внутренних сил, вселила в него большее мужество, сделала его творчество более идейным и целенаправленным. И, как следствие этого,

жизнь и деятельность А. П. Чехова стали еще целеустремленнее и богаче, а его произведения этого периода отличаются наибольшей политической остротой и «возмужалостью».

Конечно, творческий рост А. П. Чехова после поездки на Сахалин не может быть объяснен только сахалинскими впечатлениями. Этот рост находился под прямым влиянием и в связи с оживлением всей общественной жизни в стране в 90-е годы, вызванным экономическим подъемом, ростом рабочего класса и его революционного самосознания, развитием классовой борьбы и т. д. Но, несомненно и то, что поездка на Сахалин была для А. П. Чехова новым толчком и новым «зарядом» для обоснования его критики существующего строя и более широких обобщений.

Литература

1. Бунин, И. А. О Чехове / И. А. Бунин. – Нью-Йорк, 1955.
2. Гитович, Н. И. Чехов в воспоминаниях современников / Н. И. Гитович. – М. : Худ. лит., 1986. – 735 с.
3. Громов, М. П. Книга о Чехове / М. П. Громов. – М. : Современник, 1989. – 384 с.
4. Паперный, З. С. Записные книжки Чехова / З. С. Паперный. – М. : Сов. писатель, 1976. – 392 с.
5. Чехов, А. П. Собрание сочинений : в 12 т. / А. П. Чехов ; ред. М. Еремина. – М. : Правда, 1985.
6. Соболев, Ю. Чехов – жизнь замечательных людей / Ю. Соболев. – М. : Журнально-газетное изд-во, 1934. – 336 с.
7. Теплинский, М. В. А. П. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский, Б. Н. Бурятов. – Южно-Сахалинск : Сов. Сах., 1957.
8. Гитович, Н. И. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова / Н. И. Гитович. – М. : Гослитиздат, 1955. – 879 с.
9. Электронная библиотека ModernLib.ru

А. Доровских

ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ «ОСТРОВ САХАЛИН» В СУДЬБЕ НАШЕГО КРАЯ

Свою статью я посвятила книге А. П. Чехова «Остров Сахалин».

До Чехова и после писатели обращались к литературе, которую мы, выражаясь современным языком, называем лагерной. Но «Остров Сахалин» занимает здесь особое место. А. П. Чехов провел на острове работу исследователя, медика, социолога.

Поездка писателя на Сахалин в 1890 году – событие этапное. Оно завершает период исканий 80-х годов и открывает качественно новый период годов 90-х. Результатом этой поездки явились очерки «Из Сибири» и книга «Остров Сахалин», которую Чехов назвал «жестким арестантским халатом» в своем «беллетристическом гардеробе».

Прежде всего хочу обратить внимание на слова А. П. Чехова, которые он сказал о Н. М. Пржевальском и которые в полной мере можно отнести и к нему: «Подвижники нужны как солнце. Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что есть еще люди подвига, веры и ясно осознанной цели».

Чехов самый близкий из классиков к нам по времени, мироощущению и тому идеалу, который выдвинул в своем творчестве. Чтобы понять Чехова-человека, достаточно взглянуть на его портрет: искренний, смелый взгляд, бесстрашно устремленный на мир. Именно бесстрашно и правдиво рассказал он о людях, обо всем, что видел вокруг, исполняя свой долг писателя и честного человека. За правдой увела его судьба на о. Сахалин, страшное место для любого, место, где ломались жизни.

В дорогу А. П. Чехова провожали, как на долгие годы разлуки, и вся семья собралась, чтобы сделать снимок на память. А самого писателя тревожило, сможет ли он достичь своей цели – всесторонне изучить каторжный остров, ведь официального документа к сахалинскому начальству не было: Чехов пытался получить разрешение от начальника Главного тюремного управления М. Н. Галкина-Враского, но безрезультатно. 15 апреля 1890 года Чехов сообщил Суворину, что «вооружен одним только паспортом» и поэто-

му «возможны неприятные столкновения с предрержащими властями». Чехов хотел в будущей книге поместить многочисленные фотографии, сделанные по просьбе друга.

Что же касается царского правительства, то оно не очень-то затрудняло себя заботами о судьбе Сахалина, далекого острова, едва исследованного и совсем не обжитого, и использование природных ресурсов на тот момент не являлось чем-то необходимым или возможным. И в 1859 году свободная земля обрела статус каторги и на долгие годы стала кошмаром как для преступников, так и для мирных жителей.

Каторга начиналась с угольных рудников. Каторжане двигались в глубь острова, вырубая леса, непосильным трудом создавая условия для выживания.

«На Сахалине, – пишет Чехов, – каторжные работы разнообразны в высшей степени: они не специализировались на золоте или угле, а обнимают весь обиход сахалинской жизни и разбросаны по всем населенным местам острова: корчевка леса, постройки, осушка болот, рыбные ловли, сенокос, нагрузка пароходов».

Еще до путешествия на Сахалин Чехов начал составление библиографии и даже написал отдельные фрагменты будущей книги, которые не требовали личных сахалинских наблюдений. Готовясь к путешествию на Сахалин, писатель определил жанр будущей книги, ее научно-публицистический характер.

Основным объектом художественного исследования писателя становится жизнь человека на каторжном острове, в ней должны были найти свое место и авторское размышление, и экскурсии научного характера, и художественные зарисовки природы, быта в жизни людей на Сахалине. В центре внимания Чехова-исследователя, Чехова-художника – проблема личности каторжника – простого, несчастного человека. В книге приведены подробные описания острова, условий жизни каторжан и поселенцев, быта и нравов инородцев, видов принудительного труда, наказаний, состояния тюрем, больниц, школ, и каждая подробность холодит сердце.

По мнению исследователей, еще в процессе работы определилась композиция всей книги: главы 1–13 строятся как путевые очерки, посвященные сначала Северному, а потом Южному Сахалину; главы 14–23 – как очерки проблемные, посвященные отдельным сторонам сахалинского образа

жизни, сельскохозяйственной колонизации, детям, женщинам, беглым, труду сахалинцев, их нравственности и т. д.

В каждой главе автор передает читателям основную мысль: Сахалин – это «ад», страшное судилище человеческих пороков, где нет надежды. Вообще никакой надежды. В стиле произведения можно выделить следующие особенности:

- все главы организованы авторской речью;
- Чехов не прячется под маской повествователя;
- в произведении почти нет развернутых сюжетов и герой обычно показан в небольшом эпизоде – «микросюжете», которых в «Острове Сахалине» более шестидесяти;
- в книге отсутствует нравоучение, читатель сам должен прийти к нужным выводам;
- в произведении дается объективная картина действительности;
- образ персонажей создается с помощью нескольких деталей, подчеркивающих самые основные черты характера каторжника;
- среди художественных средств автор использует контраст, сравнение, которые выполняют различные функции. В описании сахалинской жизни настойчиво проводится параллель с недавним крепостным прошлым России: те же розги, то же домашнее и благообразное рабство. В своей книге Чехов показывает не только крайнюю степень унижения человеческой личности, но и постепенное уничтожение человека как личности.

Труд Чехова возымел довольно широкий резонанс в обществе:

- очерки Чехова послужили побудительной причиной поездок на Сахалин и написанию книг об острове;
- книга «Остров Сахалин» обратила внимание официальных лиц на вопиющее положение каторжных и ссыльных. Министерство юстиции и Главное тюремное управление командировали на остров своих представителей, их доклады подтвердили свидетельства Чехова;
- как уступка общественному мнению, взбудораженному книгой Чехова, были восприняты реформы, проведенные русским правительством;
- и, наконец, в 1906 году произошла отмена каторги на Сахалине.

Публикация «Острова Сахалина» сразу же привлекла внимание столичных и провинциальных газет. Например, газе-

та «Неделя» констатировала: «На всей книге лежит печать таланта автора и его прекрасной души. “Остров Сахалин” – очень серьезный вклад в изучение России, будучи в то же время интересным литературным трудом. Много хватающих за сердце подробностей собрано в этой книге, и нужно желать только, чтобы они обратили на себя внимание тех, от кого зависит судьба “несчастных”».

Но прежде чем в обществе произошли все эти волнения, Чехову предстояло совершить трехмесячную поездку туда, где даже сама природа была насмешкой в человеческой судьбе. Щедрая, она должна дарить людям радость, но человек сделал так, что люди здесь не живут, а мучаются, и самая их заветная мечта – сбежать отсюда к свободной жизни; они не видят вокруг себя той красоты, которая создана Богом. Ее замечает только Чехов, но он свободен и здесь находится временно, знает, что в любую минуту сможет покинуть остров, но даже этот свободный человек говорит, что будь он каторжником, бежал отсюда, во что бы то ни стало.

На Сахалине в 1889–1890 годы было пять школ, в них обучалось 222 человека. Преподаватели в школах – ссыльные, в большинстве случаев люди, не имевшие никакой специальной подготовки. Платили им по 10 рублей в месяц. Школьных библиотек не было, зачастую не было и скамеек: дети или стояли, окружив хозяйский стол и разложив на нем подвижную азбуку, или же сидели на сложенной в одном месте куче своего платья...

После возвращения домой А. П. Чехов пытается максимально улучшить положение сахалинской детворы: собирает книги, пособия, хлопочет об открытии приютов. Сегодня, благодаря архивным изысканиям, мы точно знаем, что 31 мая 1891 года пароход «Кострома» доставил на Сахалин вместе с очередной партией ссыльнокаторжных чеховскую посылку – семь больших ящиков, в которых было упаковано 3500 экземпляров книг, учебников, школьных программ.

Детям на Сахалине жилось тяжело, страшнее было положение их несчастных матерей.

Кормовые и одежное довольствие получали лишь каторжные. Если свободная женщина приехала без денег или привезла их так мало, что хватило только на покупку избы, и если ей и мужу ничего не присылают из дому, то скоро наступал голод. Работы свободная женщина найти на Саха-

лине не могла, ее не хватало и для каторжных, труд которых был выгоднее администрации.

От постоянной проголоди, от взаимных попреков куском хлеба и от уверенности, что лучше не будет, женщина решает, что на Сахалине деликатными чувствами сыт не будешь, и идет добывать пятаки и гривенники.

Что касается медицины, то врачебных пунктов существовало три. Однажды Чехов побывал в местной больнице и решил сам провести прием амбулаторных больных. Все было непривычно и странно: врач и больной отделены деревянной решеткой, исследование большей частью ведется на расстоянии; у входной двери стоит надзиратель с револьвером. Потребовался скальпель – не нашлось ни одного острого. Ни таза, ни шариков ваты, ни зондов, ни порядочных ножниц. Даже воды не было в достаточном количестве.

Другой пример – описание одной из больниц в поселке Корсакове: «Если бы здесь сумасшедших сжигали на кострах по распоряжению тюремных врачей, то и это не было удивительно, так как местные больничные порядки отстали от цивилизации лет на двести. У хирургических больных повязки грязные, морской канат какой-то подозрительный на вид, точно по нему ходили, а йода здесь и запаха не слышно было».

Во что можно превратить самую гуманную на земле профессию, писатель показывает в наблюдаемой им сцене освидетельствования перед наказанием: «Доктор, молодой немец, приказал... раздеться и выслушал сердце для того, чтобы определить, сколько ударов может вынести этот арестант. Он решает этот вопрос в одну минуту и затем с деловым видом садится писать акт осмотра...».

Чтобы побывать по возможности во всех населенных местах и познакомиться с жизнью большинства ссыльных, Чехов задумал провести перепись населения.

Ежедневно поднимаясь в пять утра, А. П. Чехов записывал имена и фамилии, посещал тюрьмы, вникал в мельчайшие проблемы жизненного устройства острова и в итоге создал около 10 000 тысяч карточек, содержащих сведения о ссыльных.

В будущей своей книге писатель заявит, что сахалинская каторга не исправляет, а размножает преступников, что для успешного освоения этой окраины страны необходимо ликвидировать здесь каторгу.

Вот что Чехову удалось достичь благодаря книге про Сахалин.

- Книга привлекла внимание общественности к острову.
- Были собраны пожертвования для организации на Сахалине детских приютов, школ, больниц и библиотек.
- Сюда стали приезжать русские и иностранные исследователи, высокопоставленные чиновники Главного тюремного управления.
- Книга подготовила общественное мнение России к ликвидации Сахалинской каторги, которая была отменена в апреле 1906 года.

А. П. Чехов был тем человеком, который стоял с молоточком за дверью довольного, счастливого человека и напоминал стуком, что есть несчастные, он жаждал переделать их жизнь, чтобы она стала лучше, человечнее, радостнее.

А. Дорофеева

ЧЕХОВ И ТЕАТР. ПЬЕСА «ТРИ СЕСТРЫ»

На первый взгляд драматургия Чехова представляет собой какой-то исторический парадокс. И в самом деле, в 90-е годы, в период наступления нового общественного подъема, когда назревало предчувствие «здоровой и сильной» бури, Чехов создает пьесы, в которых отсутствуют яркие героические характеры, сильные человеческие страсти, а люди теряют интерес к взаимным столкновениям, к последовательной и бескомпромиссной борьбе.

Возникает вопрос: связана ли вообще драматургия Чехова с этим бурным, стремительным временем, в него ли погружены ее исторические корни? Известный знаток драматургии Чехова М. Н. Строева так отвечает на этот вопрос: «Драма Чехова выражает характерные особенности начинающегося на рубеже веков в России общественного пробуждения. Во-первых, это пробуждение становится массовым и вовлекает в себя самые широкие слои российского общества. Недовольство существующей жизнью охватывает всю интеллигенцию от столиц до провинциальных глубин. Во-вторых, это недовольство проявляется в скрытом и глухом брожении, еще не осознающем ни четких форм, ни ясных путей борьбы. Тем не менее, совершается неуклонное нарастание, сгущение этого недовольства. Оно копится, зреет, хотя до грозы еще далеко. В-третьих, в новую эпоху существенно изменяется само понимание героического: на смену героизму одиночек идет недовольство всех. Освободительные порывы становятся достоянием не только ярких, исключительных личностей, но и каждого здравомыслящего человека. В-четвертых, неудовлетворенность своим существованием эти люди начинают ощущать не только в исключительных случаях, а ежедневно и ежесекундно, в самих буднях жизни».

Томление, брожение, неуспокоенность становятся фактом повседневного существования людей. Именно на этих общественных дрожжах, на новой исторической почве и вырастает «новая чеховская драма» со своими особенностями поэтики, нарушающими каноны классической русской и западноевропейской драмы. Для воплощения замыслов Чехова-драматурга нужен был новый театр. И этим театром стал Московский Художественный театр.

Трижды испытывал себя Чехов как драматург до совместной творческой работы с Московским Художественным театром. Театральные критики, публика, сам театр были суровы к начинаниям молодого писателя-драматурга. После первых попыток (двух московских и одной питерской) автор покидал театр в смущении, растерянности, удрученности. Публика уже нежно любила Чехова-новелиста, зачитывалась его книгами, признала его «своим». Но когда между любимым и близким писателем и ею становился старый, неприспособленный театр, слепой и глухой к лучшим красотам чеховских пьес, она переставала понимать и чувствовать своего любимца, отворачивалась от него и сердилась.

Сперва сцена, словно баррикада, вставала между чеховской драмой и публикой. Теперь она их чудесно сблизила, стала между ними художественною посредницей, облила пьесу ярким светом своих глубоких и тонких пониманий, наполнила громадным трепетом переживаний и провела в зрительную залу все чеховские чувства, «нежные, как цветы», и все чеховские настроения.

Прежде театр встречал гений Чехова холодно, сменяя творческие порывы писателя и приземляя его смелый полет, но позднее он возвратил А. П. Чехова в драматургию и дал ему новое дыхание.

Обращение молодого театра к творчеству Чехова было не случайным. Московский Художественный театр, созданный в годы революционного подъема, выступил выразителем мыслей и настроений передовой демократической интеллигенции, той самой интеллигенции, властителями дум которой были Чехов и Горький. Творчество Чехова было глубоко родственно коллективу Московского Художественного театра. Недаром на его сцене одна за другой идут все пьесы Чехова, а «Три сестры» и «Вишневый сад» он пишет специально для Художественного театра. Именно вследствие этого учреждения и сумело найти новый подход к драматургии Чехова, требовавшей для своего воплощения совершенно новых методов режиссуры и актерской игры. Стремление правдиво показать со сцены подлинную жизнь со всеми ее противоречиями легло в основу поисков нового художественного метода, который был необходим для чеховских пьес. Драматургия Чехова помогла оформиться и определиться направлению Художественного театра.

Каждая новая постановка пьес Чехова была ступенькой к достижению художественной правды, которую театр поставил в основу своего творчества.

После успеха «Чайки» и «Дяди Вани», которые указали молодому режиссеру новые пути в искусстве, все были крайне заинтересованы в новой чеховской пьесе. «Наша судьба с тех пор находилась в руках Антона Павловича: будет пьеса – будет и сезон, не будет пьесы – театр потеряет свой аромат» – так характеризовал положение Станиславский.

Театр торопил Чехова, стремясь получить пьесу к сезону 1900–1901 годов. К осуществлению своего замысла Чехов приступил летом 1900 года, после весенних гастролей Художественного театра в Крыму. Побывав в театре на спектаклях и репетициях, Чехов мог, как он говорил, «зарядиться, приобрести опыт и засесть за новую пьесу». 18 августа он пишет Ольге Леонардовне Книппер: «Пьеса сидит в голове, уже вылилась, выровнялась и просится на бумагу». В сентябре и начале октября Чехов жалуется, что работа над пьесой идет трудно, мешают многочисленные посетители и состояние здоровья. «“Трех сестер” писать очень трудно, труднее, чем прежние пьесы. Ну да ничего, авось, выйдет что-нибудь», – пишет он Марии Павловне Чеховой 9 сентября. 16 октября Антон Павлович сообщает А. М. Горькому об окончании работы: «Можете себе представить, написал пьесу...». «Три сестры» – пьеса о счастье, недостижимом, далеком, об ожидании счастья, которым живут герои, о бесплодных мечтах, иллюзиях, в которых проходит вся жизнь, о будущем, которое так и не наступает, а вместо него продолжается настоящее, безрадостное и лишенное надежд. О первой постановке спектакля, которая состоялась на сцене Художественного театра 31 января 1901 года, пишет Николай Эфрос: «По причинам, совершенно случайным, я не был на премьере, кажется, единственный раз за все годы жизни любимого театра. И не могу по личным впечатлениям передать, как отнеслась первая публика к спектаклю, в какой мере восприняла от него большие, остро волнующие впечатления. Говорят, в зрительной зале чувствовался некоторый холодок, полного увлечения не было. Почему так случилось – не знаю и объяснить себе не могу: в спектакле было все, чтобы захватить, поработить себе всякого зрителя... Во всяком случае, в тот ближайший спектакль “Трех сестер”, на котором я был, уже не было никакого “холодка”, – напро-

тив. Зрители сидели завороженные, слившиеся со сценою в единое целое, а в последнем акте, когда раздались звуки марша, под который уходил полк, и когда Маша говорила о лукоморье, и когда пришел прощаться Тузенбах, – я не только сам сидел с мокрыми глазами, но и отчетливо слышал плач в разных углах залы».

«Я видел жизнь, – писал после одного спектакля «Трех сестер» Леонид Андреев, – она волновала меня, мучила, наполняла страданием и жалостью – и мне не было стыдно моих слез». «Серая человеческая масса, – писал тот же свидетель «Трех сестер» на сцене Художественного театра, – была потрясена, захвачена одним властным чувством, брошена лицом к лицу с чужими человеческими страданиями».

Тоска по жизни лучшей, по жизни прекрасной, чистой от ее мелкости, от ее больших и мелких язв, разлитая по песне, родившая это прекрасное произведение, в одно и то же время и глубоко-скорбное, и радостное, заключающее в себе какое-то новое для Чехова зерно оптимистической веры, – эта тоска властно сообщалась всем, кто смотрел «Трех сестер».

«В Москву, в Москву» – над этим могли, сколько им угодно, подшучивать и вставлять в пародии – для большинства это прозвучало и долго потом звучало как великий призыв. Позволю себе еще одну цитату все из той же взволнованной и красивой статьи такого «рецензента», как Леонид Андреев: «Как солнечный луч из-за облака, как золотистая нить, пронизывает этот клич серую мглу и непобедимо живет в трех женских сердцах», а вместе с ними – во всех чающих лучшей жизни русских сердцах...

Таков был общий характер третьего чеховского спектакля, таково общее от него впечатление. И во всех своих частностях, в отдельных исполнениях актеров был он прекрасный. Нужно выписать очень длинный перечень имен, чтобы назвать всех счастливых участников «Трех сестер» – на сцене. Потому что и центральные, и второстепенные роли были переданы тут с большою правдой, выразительностью, трогательностью. По числу фигур это – самая богатая чеховская пьеса; и все фигуры, за исключениями разве самыми незначительными, получили прекрасное воплощение: от Вершинина и Маши и до Ферапонта и Федотика.

Целый ряд прекрасных актеров именно в «Трех сестрах» дали лучшие свои создания. Никогда г-жа Книппер не была так правдива и так сильна, как в Маше, особенно в послед-

них ее сценах, никогда г-жа Лилина не была на такой высоте сценического искусства, никогда не давала (кроме разве фрейлины Бенш в «Крамере») такого законченного, такого блестящего во всех деталях образа, как в Наташе, никогда не достигала такой меры перевоплощения, как в этой чеховской роли; никогда, может быть, первый герой Художественного театра и первый герой симпатий и восторгов театральной публики – г. Качалов не был так художественно закончен и так глубоко лиричен, как в Тузенбахе.

А Вершинин – если и не лучшее, то во всяком случае, одно из лучших сценических достижений г. Станиславского. Вокруг этих четырех, которые, на мой взгляд, лучшие исполнители этого спектакля, которые так и впились навсегда в память этими образами: г-жа Савицкая – Ольга, г-жа Андреева – Ирина, г. Артем – Чебутыкин, г. Лужский – Андрей, г. Вишневский – Кульгин, г. Грибунин – Ферапонт, г. Москвин – Родэ и еще некоторые, которых сейчас уже не припоминаю.

Некоторого упрека заслуживали только иные частности самой постановки, да и то – лишь чисто внешние. Исполнение же, и в своих отдельных частях, еще больше – в своем целом, стоило и стоит не «критики», но панегирика. В третий раз Чехов и с Чеховым торжествовали полную победу. Если ее не оценили сразу в полную меру, если первый спектакль не дал триумфа, то такая оценка и такой триумф пришли очень скоро и утвердили «Трех сестер» в репертуаре Художественного театра как одно из лучших, драгоценнейших его украшений.

Уже не приходилось уговаривать Чехова опять писать для театра. Драматургическое его творчество, результатами которого обеспечен теперь такой идеальный сценический аппарат, было окрылено. Зароились многие драматургические замыслы. Ведь, едва закончив «Вишневый Сад», Чехов стал уже обдумывать новую драму. Так была исчерпана художественным театром чеховская драматургия. «Это единственный театр, который я люблю», – писал Чехов, когда еще почти не знал его. Всей своей последующей жизнью Художественный театр оправдал отданную ему, так сказать, в кредит любовь. Все, что только сцена может сделать для драматурга, – он сделал для Чехова.

Но и Чехов не остался в долгу. Он приковал внимание к этому театру и больше всех других помог ему вознестись на

ту высоту, на которой он сейчас находится. Своею драматургией Чехов поставил Художественному театру такие задачи, в достижении которых тот был вынужден выработать новую методику и даже новый принцип сценического искусства. Сцена осуществила драматурга, который до нее казался неосуществимым на театре, а драматург вывел сцену на дорогу, которая раньше казалась недостижимой. Они все сделали вместе. Счастлив их союз. И никогда уже не будут мыслить отдельно Чехова без Художественного театра, Художественный театр – без Чехова.

Заключение

Значение Чехова в истории русского театра трудно переоценить. К написанию драматургических произведений писатель обращался на протяжении всей жизни – от первой незаконченной пьесы «Безотцовщина» до пьесы «Вишневый сад». Пьеса «Три сестры» открыла новую эпоху в русской и мировой драматургии. Хрестоматийно утверждение о том, что Чехов заложил основы «новой драмы», создал «театр философского настроения». Однако это положение не представлялось бесспорным. Современникам писателя его пьесы казались несценичными, лишены действия, нарушающими традиции, но это не помешало им пройти сквозь время. Драматургию Чехова, начиная с «Трех сестер», стали принимать театры других систем. При жизни писателя «Три сестры» увидели очень многие города России, и уже тогда пьеса начала обретать свое великолепное бессмертие, даруя Чехову венец гениального драматурга.

М. Кузьмина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РУССКОГО ЯЗЫКА В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

Область исследования: литература.

Актуальность исследования: диктуется скудностью работ, посвященных роли фразеологических оборотов в чеховских повестях, рассказах и юморесках.

Фразеологический анализ художественных произведений раннего творчества А. П. Чехова преследует **следующие цели:** установить источники фразеологических единиц, используемых писателем; показать, как автор творчески использует этот материал, обновляя его и перемещая из одной стилистической сферы в другую.

Объект исследования: первые три тома Полного собрания сочинений А. П. Чехова. В процессе работы было выделено около двух тысяч фразеологических единиц из повестей, рассказов и юморесок А. П. Чехова, созданных им в период с 1880 по 1885 год, и составлен фразеологический словарь чеховских произведений этого периода. Он содержит в себе около тысячи устойчивых выражений.

В рамках достижения поставленной цели были выделены **следующие задачи:**

- сделать анализ фразеологизмов с точки зрения их стилистических свойств;
- выявить значение устойчивых выражений как речевого средства характеристики действующих лиц чеховских произведений.

Весь фразеологический запас языка произведений раннего Чехова можно разбить на три класса.

1. Стилистически нейтральные фразеологические единицы: «одним словом», «в конце концов», «рано или поздно», «днем или ночью» и им подобные. Эти устойчивые сочетания слов известны и употребляемы во всех стилях языка и не несут особых стилистических функций.

2. Разговорно-бытовая фразеология. Она составляет основу фразеологического запаса художественных произведений А. П. Чехова. Преимущественная сфера ее употребления – живая разговорная речь, носящая непринужденный характер. Например: «мокрая курица», «с ума сошел», «напрячь мозги» и т. п.

При помощи данных языковых средств писатель добивается яркости и сочности речи персонажей, воспроизводя «излюбленные» средства народного выражения.

3. Книжная фразеология. Богат и тематически разнообразен этот пласт чеховской речи. Книжные фразеологические единицы отличаются от предыдущих некоторой патетичностью, возвышенностью: «венец мироздания», «слуга Отечества», «злой рок» и «рыцари без страха и упрека» и др.

Но так как А. П. Чехов раннего периода был, прежде всего, юмористом, то большинство фразеологизмов книжного ряда не только теряли свою торжественность, но и усиливали комизм, зачастую доведенный до сарказма, в описании тех или иных действующих лиц.

Выражение «человек – венец мироздания» вложено в уста пьяного в стельку коллежского секретаря Романова в его «разговоре» с собакой. А утром у этого «венца мироздания» «голова, руки и ноги были в повязках. Около кровати стояли заплаканная жена и озабоченный доктор». А «рыцари без страха и упрека» в одноименном рассказе оказываются сборищем хищников, совершающих должностные преступления. Подобные параллели можно привести и по другим единицам книжной фразеологии.

Заметно выделяются в чеховских текстах фразеологизмы, связанные своим происхождением с греко-римской мифологией и историей: «ахиллесова пята», «гомерический хохот», «гордиев узел», «пришел, увидел, победил» и т. п.

Но и здесь была неистощима фантазия А. П. Чехова в их обыгрывании. Вот интерпретация знаменитой фразы Ю. Цезаря: «Пришел, увидел, победил». В трактовке писателя она приобретает антонимический характер (слова Ю. Цезаря приводятся на латинском языке): «Портрет иезуита Цитовича. Под ним надпись **“Veni, vedi, non vici”**, **взял и... понимает**ся, ушел...». То есть «пришел, увидел, но не победил».

Широко используются А. П. Чеховым и библеизмы как средство создания одухотворенного настроения или, наоборот, иронической улыбки. Из этого источника берут свое начало многие использованные писателем выражения: «козел отпущения», «питаться медом и акридами», «соль земли», «не оставить камня на камне» и т. п.

С повышенной экспрессивно-стилистической окраской патетичности звучит фразеологизм «соль земли» в рассказе «Корреспондент» (у Чехова «соль мира»): «Между людьми мы

маленькие, бедненькие, а между тем соль мира есмы, и богом для полезности отечественной созданы...».

А вот обратный пример, со сниженной экспрессивной выразительностью. В «Правилах для начинающих авторов» А. П. Чехов, сообщая о тяготах писательской жизни, отмечает: «Пища их (писателей. – **М. К.**) – мед и акриды приготовления Саврасенкова...». Если учесть, что «питаться акридами» (род саранчи) означает «жить впроголодь», то становится понятным, что весь сарказм этого пассажа направлен против Саврасенкова, владельца гостиницы и ресторана в Москве.

Необходимо выделить также особый слой фразеологических единиц, взятых А. П. Чеховым из художественных произведений других писателей, которые он не упустил возможность включить в свои рассказы как яркое средство выразительности.

Вот некоторые из них: «все врут календари» (А. Грибоедов) – «Календарь “Будильника” на 1882 год»; «с чувством, с толком, с расстановкою» (А. Грибоедов) – «Ярмарка»; «старосветский помещик» (Н. Гоголь) – «Письмо к ученому соседу»; «свинья в ермолке» (Н. Гоголь) – «Бумажник»; «злонравия плоды» (Д. Фонвизин) – «О марте. Об апреле. О мае. Об июне и июле. Об августе»; «торжествующая свинья» (М. Салтыков-Щедрин) – «Прощение»; «услужливый дурак» (И. Крылов) – «Драма на охоте»; «меркантильный дух» (А. Пушкин) – «Ярмарка»; «ночи безумные, речи бессвязные» (А. Апухтин) – «Драма на охоте». Всего нами зафиксировано около тридцати подобных заимствований.

А. П. Чехов и сам оставил в наследие немало устойчивых словосочетаний, пополнивших фразеологический фонд русского языка. Речь идет о таких выражениях, как «запустить глазнапа» (смотреть, подсматривать – «Скверная история»); «фертикулясы выкидывать» (насмехаться, издеваться – «Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало»); «гласность – фря» (гласность – ерунда, вредное явление – «Случаи *mania grandinosa*»); «отсчитывать прилагательное» (взятка, у Чехова «деньги сверх приданого» – «Красная горка»); «пропер пехтурой» (прошел пешком – «Свидание, хотя и состоялось, но...»); «цветы запоздалые» (поздняя любовь – «Цветы запоздалые») и др.

Писатели часто творчески преобразуют фразеологические единицы, усиливая в них образность, особенно при выражении иронии, юмора, придавая им новое речевое содержание, но при этом сохраняя их первоначальную основу.

И А. П. Чехов в этом отношении уже в своем раннем творчестве был, как говорится, мастером в этом деле. Особенно ему удавалось обновление фразеологического оборота путем расширения его состава новым словом, благодаря которому комизм получал иные грани. В качестве примера можно привести следующие выражения, связанные с фразеологизмом «бежать во все лопатки», то есть быстро: «Набрыдлов же, маленький куценький поручик, во все лопатки старался походить на Ивана» («Скверная история»); «Главные воротины по лошадиной части, разумеется, цыгане. Божатся, клянутся и желают себе всяческих напастей во все лопатки» («Ярмарка»); «Г-м-м-м-м... Хорошенькая... черт подери, хло-роформу нет! Дал бы ей понюхать, да и целуй во все лопатки» («В вагоне»).

Очень часто А. П. Чехов употребляет не фразеологический оборот как таковой, а дает его общее содержание, достигая при этом предельно емкого неповторимого комического эффекта. В этом случае наблюдается сознательное разрушение фразеологической единицы на отдельные ее части. Так А. П. Чехов поступает, например, с крылатым выражением «душа в пятки ушла»: «Из души храбрость перешла в живот, пробурчала там, по бедрам ушла в пятки и застряла в сапогах... А сапоги порванные... беда!» («Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало»); «Чтобы отыскать душу, нужно взять человека, которого только что распекло начальство, и перетянуть ремнем его ногу. Затем вскройте его пятку, и вы найдете искомое» («Несколько мыслей о душе»).

Для усиления комического эффекта А. П. Чехов прибегает к гиперболизации смыслового и словесного содержания того или иного фразеологизма. Вот несколько примеров: «<...> не мороз, а целый Ледовитый океан пробежал по моей спине...» («Ночь перед судом»); «Ярко-красное зарево окрасило одну из его белых щек, когда звуки звонкой пощечины понеслись <...> по саду. Он почувствовал, что он проваливается сквозь всю вселенную... Из глаз посыпались молнии...» («Скверная история»); «<...> брошюра, написанная им за год перед смертью: "Способ стереть вселенную в порошок и не погибнуть в то же время"» («Летающие острова») и т. п.

Очень часто наблюдается наполнение фразеологического оборота новым значением при сохранении его лексической целостности. Примерами такого употребления фра-

зеологизмов могут служить использованные А. П. Чеховым такие устойчивые словосочетания, как «пустить по миру» (разорить, сделать неимущим): «Говоря откровенно, Трифон Семеныч – порядочная-таки скотина. Но он, наверное, не рассердится <...> за то, что я его длинной фамилии по миру не пустил, а ограничился на этот раз одними только именем и отчеством».

Изобретательность А. П. Чехова в смысловом обыгрывании обычных, часто употребляющихся в быту фразеологизмов была неистощима. С особым мастерством он переделывал их в развернутую метафору, и иногда она превращалась в отдельное законченное произведение. Примером тому служит юмореска «Репка», где на сюжете русской народной сказки обыгрывается фразеологизм «тянуть за уши». Сюжета А. П. Чехов не изменил. Только вместо репки Серж с длинными ушами. Потянул дед, а затем поочередно все родственники и вытянули голову-репку в люди. «И стал Серж статским советником».

А. П. Чехов использует и прием соединения переносного смысла фразеологизма с его первоначальным значением. В этом отношении характерны концовки двух рассказов, в которых он обыгрывает фразеологизм «поставить точку», то есть «заканчивать что-либо»: «Доктор надел перчатку, поклонился и вышел. В восемь часов вечера... Впрочем, поставлю точку. Одну точку я всегда предпочитал многоточию, предпochту и теперь» («Филантроп»). «Прощаю Суворина, планеты, кометы, классных дам, её (выделено автором. – **М. К.**) и, наконец, точку, помешавшую мне ее прощать до бесконечности».

Безгранична фантазия А. П. Чехова в области употребления фразеологизмов. Из них можно составить обеденное меню: «газетная утка-фри», «суп с мокрой курицей», «бульон из слоновой кости», «гусь лапчатый фри», «компот из Адамовых яблок» («Календарь “Будильника” на 1882 год»). Ими можно как игрушками украшать на Новый Год зимнюю красавицу. На ней в юмореске «Елка» висят «счастливый случай», «подходящие партии», «кукиш с маслом» и «щелчки по носу». А вот открывается занавес. Идет трагедия «Нечистые трагики и прокаженные драматурги». На сцене «в воздухе летают бегающие по спине мурашки. В глубине сцены висят на раскаленных крючьях трясущиеся поджилки. Гром и молния».

Приведенные примеры показывают великолепное знание А. П. Чеховым бытовавших в родном языке метких устойчивых выражений и их умелое использование в жанре юмористики.

Зачастую А. П. Чехов не дает авторской характеристики своим героям, этим самым заставляя читателя самого анализировать их поступки, действия и делать вывод о сущности этих людей. И в данном случае нам помогает язык действующего лица.

С этой точки зрения интересен рассказ «Корреспондент». Главный герой, Иван Никитич, «маленький старичок», всю жизнь боролся за правду, за справедливость, и его речь, употребляемые им торжественные фразеологизмы подчеркивают искренность его устремлений: «соль мира есмы», «блажен тот, кто смолоду был молод», «темна вода в облацех», «подлейте масла в светильник, вселенную озаряющий!». Подобный пример не единичен.

Таким образом, можно сделать вывод, что одна из характерных особенностей художественного языка А. П. Чехова – необычайное богатство и разнообразие словаря – находит свое отражение в отборе им фразеологических средств, использовании всего многообразия их значения и смысловых оттенков.

Литература

1. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов ; под ред. Н. Ф. Бельчикова. – М. : Наука, 1983–1988.
2. Громов, М. П. Книга о Чехове / М. П. Громов. – М. : Современник, 1989. – 384 с.
3. Чехов, М. П. Вокруг Чехова : воспоминания / М. П. Чехов. – М. : Худ. лит., 1981. – 336 с.
4. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Л. : Наука, Ленинград. отд-ие, 1977. – 283 с.
5. Ефимов, А. И. Стилистика русского языка / А. И. Ефимов. – М. : Просвещение, 1969. – 262 с.

Е. Куренная

ТВОРЧЕСТВО А. П. ЧЕХОВА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС XIX–XX ВЕКОВ

Русская прогрессивная литература всегда тяготела к освободительному движению, к передовым социальным воззрениям своего времени. Одни литераторы выражали это в открытой форме, у других эта связь уходила вглубь, но, тем не менее, затаенный свет ее продолжал падать на изображаемое, высветляя определенные черты, определенные образы. Столь же тесная, но более сложная и противоречивая связь между общественным и художественным движениями характерна для конца XIX – начала XX в., когда Россия вступила в период войн и революций.

Вторая революционная ситуация, возникшая в конце 1870-х гг., завершилась 1 марта 1881 г. убийством Александра II. «Второй раз, после освобождения крестьян, – писал В. И. Ленин, – волна революционного прилива была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось реакцией...».

Литература 80-х гг., в свою очередь, представляла в истории русского реализма переходный период. Это не только литература, запечатлевшая спад прогрессивных общественных настроений и вырождение их в «теорию малых дел»; не только литература, в которой происходило завершение пути крупнейших русских писателей, но и литература, в которой были проявлены новое миропонимание и новые принципы реализма, получившие плодотворное развитие в последующие десятилетия. В эти же годы на волне разочарования в старых идеалах возникает особое литературное явление – русское декадентство.

«Эпоха безвременья», сменившая историю революционного народничества и вместе с тем открывшая новую страницу в истории русской революционной мысли, помогает глубже понять особенности литературного развития рубежа веков. В 80-е гг. утверждают себя как писатели А. Чехов и В. Короленко, в этот же период происходит перелом в мировоззрении Л. Толстого. Эпохой 80-х гг. открывается том, посвященный литературе третьего этапа русского освободительного движения.

В XIX в. в русской драматургии и театре еще жива была традиция серьезной или высокой комедии, о которой еще

А. Пушкин писал, что она «не основана единственно на схеме, но на развитии характеров, – и что нередко близко подходит к трагедии». Впоследствии такой сложный жанр получил название трагикомедии.

Трагическое и комическое у А. Чехова невозможно разложить на «составные» части: они, взаимодействуя, усиливают друг друга, образуя в конечном счете нерасторжимое единство. По этому же принципу строятся сюжет (например, неуместный бал в день продажи имения с торгов в пьесе А. Чехова «Вишневый сад») и характеры действующих лиц, в которых соединяются противоположные черты: высокие и низкие, смешные и печальные. Интересны в этом отношении авторские ремарки, в которых содержатся указания на несоединимые, казалось бы, переживания действующих лиц. Так, Ф. Раневская задает мучающие ее вопросы, «напева лезгинку», а Варя, «танцуя, утирает слезы».

Психологическая сложность чувств и поведения чеховских героев проявляется и в манере их общения друг с другом, в своеобразии речевых портретов и употреблении лексики. Они часто говорят сами с собой, заведомо не рассчитывая на слушателей; нередко не слышат вопросов, к ним обращенных. «Разорванность» диалога у Чехова восходит к творческому опыту А. Толстого. Но если у Толстого отрывочность, недосказанность проявляются во внутренней речи персонажей, то у Чехова герои и вслух могут говорить крайне непоследовательно и внешне алогично. Подлинный смысл волнующих их мыслей проявляется не всегда в прямых высказываниях, а даже в том, что скрыто от посторонних, что они держат «про себя».

Характерный для чеховской драматургии «подтекст» («подводное течение») придает речи персонажей богатство смысла, эмоциональную насыщенность, художественную и психологическую убедительность. Например, бильярдные термины, которыми злоупотребляет Гаев, нередко помогают ему скрыть свою внутреннюю растерянность, раздумья, те чувства и переживания, о которых он и не хочет, и не может говорить вслух. Такова же функция пауз, которые зачастую возникают там, где герои «уходят в себя».

Художественные открытия А. П. Чехова становились источником для дальнейшего развития драматического искусства во всем мире.

Творчество А. Чехова является продолжением в развитии лучших традиций русской классической литературы. Лев

Толстой сказал о нем: «Чехов – это Пушкин в прозе». Глубокое воздействие на повествовательную манеру и на язык А. Чехова оказал не только А. С. Пушкин, но и М. Ю. Лермонтов. Для Чехова – юмориста и сатирика плодотворными были уроки Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Чеховский лиризм, глубокий анализ напряженной внутренней жизни персонажей были связаны с усвоением художественных открытий И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, творчески переосмысленных Чеховым и подчиненных им новым творческим задачам.

А. П. Чехов проверяет своих героев суровой правдой жизни. «Правда безусловная и честная» потому-то и необходима была писателю, что только с ее помощью можно показать человеку его самого. Отсюда принципиальный отказ от всякого приукрашивания, идеализации, которые могут только дискредитировать стремление писателя пробудить человека, показать суровую прозу жизни, обывательское болото, в которое герои могут погрузиться, даже не замечая этого. Его произведения замечательны широтой охвата современной писателю жизни и глубиной мысли, мастерским изображением человека и природы, точностью, краткостью и яркостью слова. Русский литературный язык А. П. Чехов довел до высокой степени совершенства. М. Горький писал, что как стилист Чехов недосягаем и что «будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создал А. Пушкин, И. Тургенев и А. Чехов».

В последнее время заметно вырос интерес к творчеству А. П. Чехова. Все отчетливее становится значение этого замечательного художника слова в развитии нашей культуры, в формировании высоких нравственных отношений между людьми. Писатель помогает найти ответы на вопросы, которые не перестают волновать нас. Его книги – не только источник эстетического наслаждения, это уроки идейного и нравственного воспитания, ибо они одухотворены высокой идеей борьбы за сохранение красоты в мире, за свободного и счастливого человека. Это вопросы общечеловеческие, но вместе с тем и политические, социальные, совершенно конкретные, связанные с насущными задачами, которые стоят перед нашей современностью.

В записной книжке А. П. Чехова сохранились строчки, проникнутые скорбью и тревогой: «Разговор на другой планете о земле через 1 000 лет: помнишь ли ты то белое де-

рево... (березу)». Тревожная тональность, суровое предостережение явственно ощущаются в этой записи, обращенной ко всему человечеству. И здесь Чехов также наш соратник и единомышленник. Сегодня особенно важно услышать его призыв – беречь красоту, драгоценные сокровища человеческой культуры, думать о судьбе Земли. Самые заветные мысли и надежды великого русского писателя, его напоминания об ответственности человека за прошлое, настоящее и будущее, за культуру, за свою жизнь, за белые березы, цветущие вишневые сады – все это стало одной из самых важных традиций литературы. Несомненно, А. Чехов сыграл значительную роль в развитии русской и впоследствии мировой литературы. У него учились молодой М. Горький (особенно в области драматургии), И. А. Бунин, А. И. Куприн, Л. Н. Андреев. Ряд писателей и драматургов считали себя учениками А. П. Чехова.

Во всем культурном мире обостряется необходимость изучения общечеловеческой проблематики чеховского творчества.

Еще при жизни писателя появились первые переводы его произведений на иностранные языки. Популярность его рассказов и повестей, влияние драматургии на развитие театрального искусства возрастают на протяжении XX в. Многие деятели литературы Европы, Азии, Америки с уважением говорили о выдающейся роли Чехова в культурной жизни различных стран мира. В 1899 г. Бернард Шоу опубликовал пьесу «Дом, где разбиваются сердца», написанную, как указывал сам английский драматург, под прямым воздействием Чехова. Другие английские писатели (Дж. Голсуорси, Дж. Пристли) также отмечали благотворное воздействие великого русского художника на мировую литературу. Высказывания французских (А. Вюрмсер, Ф. Мориак), немецких (Т. Манн) и многих других выдающихся представителей мирового искусства также свидетельствуют о значении Чехова – писателя и драматурга для развития художественной литературы XX в. не только на его Родине, но и во всем мире.

А. Максютова

А. П. ЧЕХОВ НА САХАЛИНЕ

Тема работы обоснована некоторыми обстоятельствами. Творчество А. П. Чехова, его очерки «Остров Сахалин» стали любимы многими. Почему выбран Сахалин? Да потому, что дальше уже ехать некуда – и в прямом, и в переносном смысле. Край света – если рассматривать остров с точки зрения географии. Каторга – если вести разговор в социальном аспекте.

В различных воспоминаниях и исследованиях нередко можно встретить с настойчивым желанием найти какой-то единственный, определенный повод, натолкнувший Чехова на мысль о сахалинском путешествии. Существуют по этому поводу разные гипотезы. Так, известный исследователь жизни и творчества Чехова Л. А. Малюгин предполагал, что к поездке писателя привели сугубо личные мотивы: осенью 1889 г. он познакомился с подругой сестры Лидией Мизиновой (обычно ее называли Ликой), серьезно увлекся ею и захотел с помощью длительного путешествия проверить свое чувство, а может быть, и избавиться от него. Однако почему для достижения такой цели обязательно нужен был именно Сахалин? Более объективной можно считать иную версию, согласно которой Чехов «начитался» разного рода криминалистической литературы в период, когда его брат Михаил учился на юридическом факультете. Мысль о поездке могла возникнуть под влиянием смерти другого брата – талантливого художника Николая.

Вряд ли стоит искать какую-то одну причину, предопределившую сахалинскую поездку Чехова, вернее всего, был целый комплекс причин. Так или иначе, но решение было принято, и в конце 1889 г. оно уже не было секретом для домашних.

Однако осталось множество вопросов. Ответ на все эти вопросы должен помочь понять очень важные вещи и в творчестве А. П. Чехова, и в русской литературе в целом, что и предопределило выбор темы.

Цель моей работы: рассказать о том, что Чехов решил ехать на Сахалин не столько за вдохновением, сколько за тем, чтобы самому понаблюдать за жизнью каторжан на далеком клочке земли. Донести о том, как его дико возмущало

отношение людей к Сахалину (с неприязнью и предвзятостью) и как он тонко чувствовал всю горечь и боль каторжан, испытывал мучительное чувство личной вины за несправедливость по отношению к людям, ставшим узниками края света.

Для достижения этой цели решались **следующие задачи**: изучить соответствующую литературу, постараться понять Чехова, прочитать высказывания и различные мнения и доказать поставленную цель.

На мой взгляд, поездка на Сахалин не расходится с жизнью Антона Павловича, она входит в его биографию и в творческий путь. Совершенно ясно, что не зрелище каторги разбудило совесть Антона Павловича, а что сама взыскательная совесть привела его на Сахалин.

Его книга «Остров Сахалин» скорее труд медика, нежели очерк художника. Он рассказал просто, порой сухо, с цифрами о том, что увидел: о бесчеловечности тюремщиков, о наказании плетью, о трагической судьбе детей каторжников, о медленной смерти ссыльных. Антон Павлович многое увидел на острове каторги. Книга «Остров Сахалин» сыграла ту роль, которую ей предназначал автор: свидетельство врача, журналиста, гражданина; она произвела огромное впечатление на просвещенные круги России. Царское правительство вынуждено было направить на Сахалин нужных специалистов, пошло на некоторые положительные изменения в жизни каторжан и ссыльных.

Есть много мест, где помнят писателя: и дом в Таганроге, где вырос Чехов, и памятная доска на воротах в Воскресенске (Истре), где был дом, сожженный фашистами, и зеленое Мелихово, и домик в Ялте, с деревьями, посаженными Антоном Павловичем. Есть и Сахалин... Все здесь изменилось, но связан этот остров с большими душевными муками, с возмущенной совестью Чехова, дорог этот край не только своей новой большой жизнью, но и той школой человеческого горя, которую прошел писатель.

Из воспоминаний сестры писателя М. П. Чеховой: «Я могла бы написать целую книгу об общественной деятельности моего покойного брата Антона Павловича Чехова, так как я была при нем, и мы вместе работали, но по необходимости должна ограничиться предоставленными мне размерами и сообщить только о его поездке на Сахалин. Это было еще в 1890 году, он был молод, но горел желанием быть полезным

общественным деятелем и всегда до болезни боялся, как бы кто-нибудь не узнал о том, что им было сделано в этом отношении. Так он держал себя до самой смерти, а когда умер, то выяснилось, при каких ужасных условиях старого режима он строил школы, почтовые отделения, хлопотал о проведении шоссе, об устройстве народных домов, заведовал санитарным участком, вел борьбу с голодом и холерой и т. д. Только теперь стали оценивать общественную деятельность писателя, а тогда только и слышал он со всех сторон: «Пессимист вы, Антон Павлович!» А этот пессимист принимал у себя в усадьбе ежегодно свыше тысячи человек больных крестьян, совершенно бесплатно, да еще снабжал каждого из них лекарствами. Я неизменно исполняла при нем роль фельдшерицы и перевязывала раны».

Молодой и пылкий Антон Павлович не мог сидеть и спать спокойно в то время, когда знал, что в ссылке мучаются люди. Он сразу решил поехать. Подготовительная работа, продолжавшаяся несколько месяцев, наконец окончилась. Конечно, это было отчаянное и весьма рискованное путешествие: железной дороги через всю Сибирь тогда еще не было, и возникла необходимость ехать на лошадях. Из-за отсутствия транспортных средств Антону Павловичу пришлось купить свой собственный тарантас и затем продать его за бесценок где-то уже на Амуре.

Выехал он из Москвы 20 апреля. Начиналась весна. Чтобы увидеть Волгу, он отправился с Ярославского вокзала, куда собрались провожать его все родственники и знакомые. Печальных лиц не было, все поддерживали великое дело, предпринятое путешественником, и приветствовали смельчака. «Когда отошел поезд, то я нежно обняла мать и только тут мы обе поняли, что расстались с нашим дорогим и приветливым Антошей очень надолго, и обе загрустили. Только его чудесные письма с дороги давали нам бодрость и надежду на его благополучное возвращение обратно».

По дороге в Сибирь Антон Павлович застал зиму, а затем наступили распутица и половодье. Он не догадался переменить валенки на сапоги, промочил ноги и простудился до кровохарканья. Вероятно, уже тогда у него был процесс в легких, но это нисколько не помешало ему продолжать путешествие и добраться до самого Сахалина.

За три месяца пребывания на Сахалине он прошел его весь с севера на юг и сделал перепись всего каторжного на-

селения, для чего без малейшей посторонней помощи им было составлено несколько тысяч карточек. Не было таких рудников, такой казармы, тюрьмы или избы, в которой он ни побывал бы. С величайшим вниманием и сочувствием он знакомился с жизнью ссыльных и их нуждами. Кажется, он первый обратил внимание на положение детей ссыльно-поселенцев, которое поистине было тяжкое до ужаса. Впоследствии он часто рассказывал о девочке, взятой отцом с собой на каторгу и все время державшейся ручонками за его кандалы и спавшей вместе с ним в тачке, к которой он был прикован.

Ссыльные очень хорошо относились к Чехову на острове Сахалин, и он даже получал от них подарки. Так, медный колокольчик работы одного из каторжных до сих пор стоит на камине в кабинете писателя в Ялтинском доме и молчаливо свидетельствует о путешествии Чехова на Сахалин.

Результаты его поездки были огромны. После долгих пререканий с правительством ему удалось доказать полную непригодность острова Сахалин для колонизации. И, действительно, благодаря его статьям, появившимся в «Русской мысли», ссылка на Сахалин была отменена, и положение сахалинских мучеников изменилось к лучшему. Кроме двух томов под названием «Остров Сахалин», поездка Чехова на Дальний Восток обогатила русскую литературу еще и такими прекрасными рассказами, как «Убийство» и «Гусев», не считая его удивительных писем с дороги. Только необыкновенная смелость молодого, энергичного, но крайне скромного писателя могла побудить его совершить такое путешествие, на которое решился бы далеко не всякий и которое повлекло за собою столь важные последствия.

Антон Павлович привез с Сахалина около десяти тысяч карточек – переписных листов. Что значит переписать десять тысяч жителей острова и на всех составить аккуратные анкеты? Нужно зайти в каждую избу, выдержать любопытные и не всегда приветливые взгляды, улыбкой, настойчивостью растопить ледок недоверия, вызвать хозяина или хозяйку на разговор, часто затягивающийся надолго. Чехова как писателя интересовала каждая человеческая судьба, а здесь, на острове, судьбы эти были трагическими, и надо принять в себя десять тысяч человеческих трагедий, причем не отчужденно, не со стороны, а близко к сердцу – это, конечно, подвиг, подвиг великой души!

Молодой тридцатилетний доктор садился в неудобный возок, трясся до следующей деревушки, и там начиналось все снова – затхлый воздух тесных грязных комнатушек, забитый, испуганный вид детей, угрюмый хозяин, раздраженная хозяйка... И надо было понять, что люди эти не виноваты в своем положении, что они выбились из сил, желая протянуть время, отведенное им случаем на жизнь, что жизнь эту они воспринимают не как благо, а как необходимость. Тут уже не до приветливости. Всегда казалось, что Антон Павлович немного смущался, волновался, переступая порог жалких домишек. Он страдал за этих людей, страдал от собственного бессилия, что не может помочь им немедленно, сию минуту. И казалось, что и обитатели сахалинских лачужек откликались на это волнение, оттаивали душой, потому что искреннее сострадание вызывает ответное чувство признательности и откровенности. И этого не могли не почувствовать простые люди, восприятие которых за долгие годы на Сахалине огрубело и притупилось. «...На окраине Востока пришлось мне встретить такого человека, как Вы, к которому душа и сердце сразу были расположены и очарованы. Не примите это за лесть, все, что высказываю на бумаге, подсказывает сердце. Таких людей, как Вы, на нашем Сахалине можно увидеть только один раз в десять лет, а и того менее» (из письма Чехову с Сахалина).

Как много эти письма значат для нас, как приближают к пониманию чеховской натуры! Истинный гуманизм проявляется не в любви вообще ко всему человечеству, а в заботливом внимании к каждому человеку в отдельности. «В бытность Вашу в прошлом году на острове Сахалине Вы осчастливили меня своим разговором относительно моей судьбы, завлекшей меня в каторжные работы».

«Семен Каратаев искренне благодарит Вас за то, что Вы в таком маленьком человечке, как он, приняли участие». Или Булгаревич – Чехову: «Полушубок я передал Егору, за что он приказал мне благодарить тебя и пожелать тебе от бога, чего ты сам и просишь и молишь».

По Тымовскому округу Антона Павловича возил кучер М. А. Нюнюков. Вряд ли он тогда сознавал значение своего знаменитого спутника, но нам важно, что именно он выделил в его характере. Воспоминания Нюнюкова опубликованы в газете «Советский Сахалин» за 1935 год: «Душевный человек был, ласковый...»; «Не называйте меня “высокобла-

городием и барином”, зовите по имени-отчеству или просто по фамилии...»; «Сам он моложавый, высокого роста, ездил в серой накидке и в черном костюме. Очков не носил, но имел при себе, ходил в черной шляпе. При Чехове всегда была аптечка с лекарствами. Мы часто заходили с ним в избы ссыльнокаторжных. Чехов подолгу их расспрашивал и все записывал в карточки. Лечил, лекарства оставлял. Очень доброе сердце у него было. Как увидит, где нужда большая, денег даст». Таким он запомнился, о таком Чехове передавались слухи от старших к младшим.

Еще на острове Антон Павлович замыслил хоть как-нибудь помочь сахалинским детям. Что мог сделать литератор? Книги, детям нужны книги! И, вернувшись, Чехов не отмахнулся от своих обещаний, не забыл о них в сутолоке житейских дел и писательской работе. Уже в январе следующего года он пишет брату: «Купил книги... Я очень рад. Сахалинские школы будут иметь свои библиотеки». В письмах к родным и знакомым он часто спрашивал: «Не собрали ли что-нибудь в пользу сахалинских школ?» Чехов лично занимался упаковкой и, что гораздо сложнее, отправкой книг через Одессу пароходами. Кроме учебников и пособий, в пяти школах острова получили произведения Пушкина, Грибоедова, Фонвизина, Марка Твена, Шиллера, Диккенса, Достоевского, Шекспира.

Имя Чехова необыкновенно слилось с Сахалином. Писатель живет в сознании островитян не только как автор великих книг. Он имеет еще и местное, если можно так выразиться, значение. Моряки уверенно разыскивают на картах бухту Чехова, тысячи людей живут в городе Чехове, туристы не устают штурмовать пик Чехова, каждый вечер поднимается занавес драматического театра имени А. П. Чехова, со сцены которого не раз говорили чеховские герои. Улица имени Чехова... Это признание народа. Это дань уважения писателю за те далекие три месяца и два дня, проведенные на Сахалинской каторге.

Что сказать о Чехове?

Сказать нужно коротко: Чехов огромен, как воздух, которым мы дышим, как море, омывающее землю. Чехов определял море как «большое». И Чехов тоже – «большой».

О писателе говорили: «Чехов – нытик. Интеллигент. Певец серых людей. Даже – ненужных людей».

Вот пример, опровергающий эти строки: возвращаясь с Дальнего Востока после Сахалина, идя на пароходе через жаркий Индийский океан, Чехов купался так: прыгал с борта парохода на ходу в воду, плыл, хватался за длинный канат, спущенный с кормы, взбирался на палубу.

И это – «певец серых людей»? Не верится!

Чехов был и остается величайшим русским писателем. Его произведения были и остаются шедеврами русской литературы, они являются отражением человеческих пороков, трагических судеб и просто всего человеческого.

Люди всего мира восхищались и продолжают восхищаться Чеховым, не только как писателем, но и как человеком. Он был великим гуманистом, добродетелем и просто понимающим человеком, способным сочувствовать и пропускать чужое горе через себя. Многие, увидев все ужасы Сахалинской каторги, не смогли бы принять и сохранить в своей душе столько боли и страданий и уж тем более чем-нибудь помочь обреченным на вечные муки людям. Чехов подтвердил поездкой на Сахалин все свои человеческие качества и помог бедным людям.

Он доказал, что наш остров не просто ненужный кусок земли, куда можно ссылать людей с трагическими судьбами, отворачиваясь тем самым от них, а такая же часть России, например, как Москва, которая может еще расцвести и преобразиться, если каждый человек хотя бы раз в жизни подумает о другом, кому хуже живется.

Я считаю, что Антон Павлович Чехов должен являться примером для каждого из нас, и надеюсь, что люди никогда не забудут подвиг, совершенный скромным русским писателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабкин, Е. Н. На самых дальних рубежах / Е. Н. Бабкин, Ю. В. Шашков. – Южно-Сахалинск : Дальневост. кн. изд-во, Сахалин. отд-ние, 1980. – 111 с.

2. Теплинский, М. В. А. П. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский. – Южно-Сахалинск : Дальневост. кн. изд-во, Сахалин. отд-ние, 1990. – 144 с.

3. Ткаченко, А. С. А. П. Чехов : сборник статей / А. С. Ткаченко. – Южно-Сахалинск, 1959.

*Г. Слаян***РОЛЬ ПЕЙЗАЖА В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА**

В конце XIX века в русской литературе широкое распространение получили рассказы и небольшие повести, пришедшие на смену романам И. Тургенева, Ф. Достоевского, Л. Толстого.

Антон Павлович Чехов – один из величайших русских писателей-классиков. Он известен как мастер реалистического рассказа. Сам писатель говорил так: «Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такой, какова она есть на самом деле». Правда жизни – вот что привлекало его прежде всего. И этой правде Чехов не изменял нигде и ни в чем. Рассказы Антон Павлович начал писать рано, еще в юности. Вначале это были просто зарисовки с натуры, которые постепенно становились все серьезнее, глубже, приобретали общественное значение.

Активно использовал А. П. Чехов и форму короткого произведения. Ограниченность объема повествования требовала от писателя нового подхода к слову. В ткани новеллы не было места многостраничным описаниям, пространным рассуждениям, раскрывающим авторскую позицию. В связи с этим исключительно важным оказывается выбор детали, в том числе детали пейзажа, который не исчез со страниц даже самых маленьких зарисовок зрелого Чехова.

Изображение жизни не могло быть полным без описаний природы, но это не единственная причина использования их автором. Пейзаж создает эмоциональный фон, на котором разворачивается действие, подчеркивает психологическое состояние героев, придает историям более глубокий смысл и выражает собой мысли автора.

В 1889 году Чехов писал Суворину: «Природа – очень хорошее успокоительное средство. Она мирит, то есть делает человека равнодушным. Только равнодушные люди способны ясно смотреть на вещи, быть справедливыми...». Труд и справедливость связаны у Чехова с природой. А в мае 1894 года он пишет: «Я думаю, что близость к природе и праздность составляют необходимые элементы счастья: без них оно невозможно». Эта мысль «растворяется» в подтексте чеховских произведений. Описания природы, как правило,

краткие, лаконичные, поэтому автор предоставляет читателю возможность самому «дописывать» пейзаж.

В ранних рассказах Чехова **природа – это чаще всего фон действия, описание** обстановки. Автор использует номинативные предложения, и создается впечатление, что действие происходит в настоящем времени или будет происходить всегда. Кроме того, пейзаж, как правило, играет роль экспозиции, обозначая не только время, но и место действия: «Знойный и душный полдень. На небе ни облачка»; («Егерь»); «Ясный, зимний полдень. Мороз трещит» («Шуточка»), «Летнее утро. В воздухе тишина» («Налим»); «Была темная осенняя ночь» («Пари»); «Серое, осеннее утро» («Брак по расчету»).

Природа традиционно считалась в литературе предметом возвышенным и за долгие годы накопила много **«красивых» эпитетов, ставших банальными**. Чехов пародировал подобные клише в описании природы: «Был тихий вечер. В воздухе пахло. Соловей пел во всю ивановскую. Деревья шептались. В воздухе, выражаясь длинным языком российских беллетристов, висела нега... Луна, разумеется, тоже была. Для полноты райской поэзии не хватало только г. Фета, который, стоя за кустом, во всеуслышание читал бы свои пленительные стихи» («Скверная история»).

Юмористическую окраску у Чехова имело сближение явлений природы с миром быта: «Зимнее солнышко, проникая сквозь снег и узоры на окнах, дрожало на самоваре и купало свои чистые лучи в полоскательной чашке» («Мальчишки»). «Вороньи гнезда, похожие на большие шапки» («Учитель словесности»).

Лирический пейзаж Чехова тоже имеет свои особенности: он импрессионистичен, музыкален, поэтичен: «...заблестела река, и открылся вид на широкий плес с мельницей и белою купальней» («Крыжовник»).

«В воздухе пахло снегом, под ногами мягко хрустел снег, земля, крыши, деревья, скамьи на бульварах – все было мягко, бело, молодо...» («Припадок»).

«...на набережной не было ни души, город со своими кипарисами имел совсем мертвый вид, но море шумело и билось о берег; один баркас качался на волнах, на нем сонно мерцал фонарик» («Дама с собачкой»).

Пейзаж у Чехова, как и у многих русских писателей, имеет ярко выраженные национальные особенности:

«Пасмурный дождливый день. Небо надолго заволокло тучами, и дождю конца не предвидится. На дворе слякоть, мокрые галки, и в комнатах сумерки и такой холод, что хоть печи топи» («Розовый чулок»).

«...река была пасмурна, бродил туман кое-где, но по ту сторону на горе протянулась полоса света, церковь сияла, и в господском саду неистово кричали грачи» («Мужики»).

«Вся природа похожа на одну очень большую, забытую богом и людьми усадьбу» («Мыслитель»).

Атмосфера произведения передается через пейзаж, который чаще всего рисуется в начале рассказа и создает определенное настроение:

«Душное июньское утро. Чувствуется тоска за грозой. Хочется, чтобы всплакнула природа и прогнала дождевой слезой свою тоску» («Он понял!»).

«Был апрель в начале, и после теплого весеннего дня стало прохладно, слегка подморозило, и в мягком холодном воздухе чувствовалось дыхание весны» («Архиерей»).

«Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки» («Тоска»).

«Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени. Было тихо, темно. И только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука» («Дом с мезонином»).

«Пейзаж, данный через восприятие героя, – знак его психологического состояния в момент действия». Произведения Чехова – это «поэзия настроений», поэтому пейзаж – это средство отражения психологического состояния героя и подготовка читателя к изменениям в жизни персонажа:

«Приближалась осень, и в старом саду было тихо, грустно, и на аллеях лежали темные листья» («Ионыч»).

Зачастую для описания природы Чехов пользуется простыми и привычными приметами, ограничиваясь лишь одной-двумя фразами. Так, например, в рассказе «О любви» пейзаж вводится только в начале новеллы: «Теперь в окна было видно серое небо и деревья, мокрые от дождя...» и в самом конце: «...дождь перестал, и выглянуло солнце». Но, несмотря на скудость изобразительных средств, каждое событие оказывается ассоциативно связано с конкретными временами года,

суток и погодой, потому что природа всегда так или иначе соотносится с настроением чеховских героев.

Счастье учителя словесности из одноименного рассказа соединено в нашем восприятии с «дивно хорошим» летом, а внутренние переживания героя рассказа «Ионыч», доктора Старцева, ждущего свидания с Котиком, неотделимы от ночного кладбищенского пейзажа.

Короткий штрих в описании состояния природы может изменить на противоположное впечатление от произведения, придать отдельным фактам дополнительное значение, по-новому расставить акценты. Так, выглянувшее в конце упоминавшегося уже рассказа «О любви» солнце заставляет нас обрести надежду на преодоление людьми своей несвободы. Без этой детали произведение оставляло бы ощущение такой же безысходности, какая заключена в словах, завершающих рассказ «Крыжовник»: «Дождь стучал в окна всю ночь».

Описание «грустной августовской ночи» в «Доме с мезонином» создает предчувствие чего-то недоброго, хотя в тот момент мы не знаем, что пока еще счастливым влюбленным придется расстаться. Картина однообразно и глухо шумящего, равнодушного моря, изображенная в рассказе «Дама с собачкой», перебивает ход мыслей читателя, напоминая «о высших целях бытия, о ...человеческом достоинстве».

Сохраняя традиционную функцию пейзажа, необходимого для раскрытия характеров героев, **Чехов пользуется приемом параллельного описания природы и душевного состояния персонажей**. Когда Никитин, учитель словесности, «чувствовал на душе неприятный осадок», «шел дождь, было темно и холодно». Неуютный холодный темный лес с протянувшимися по лужам ледяными иглами соответствует тоскливым мыслям студента Ивана Великопольского, в то время как вид родной деревни, освещенной багровой полосой зари, возникает тогда, когда герой охвачен «сладким ожиданием счастья». Мягкий лунный свет отвечает трепетному состоянию уже упоминавшегося Старцева, подогревает в нем страсть; луна уходит за облака, когда тот теряет надежду и на душе его становится темно и мрачно. Чудный романтический пейзаж, нарисованный рассказчиком «Дома с мезонином», превращается в унылый вид местности, где взамен цветущей ржи и кричащих перепелов появляются «коровы и спутанные лошади», когда «трезвое, будничное настроение овладело» героем.

Кроме углубления психологического анализа **пейзаж необходим для более образной характеристики обстановки, в которой разворачиваются события.** В описании места действия повести «Палата № 6» лес репейника и крапивы, торчащие из забора острия гвоздей напоминают о колючей проволоке, подчеркивают сходство больницы с тюрьмой, предвеляя рассказ о несвободе человека.

Духовному плену, в котором пребывают герои многих рассказов Чехова, противостоит чувство свободы, порождаемое образами окружающей природы. Бескрайний пейзаж, вызывающий мысли о величии и красоте родной земли, в рассказе «Крыжовник» контрастирует с ограниченным мирком Николая Ивановича Чимши-Гималайского. После описания суеты душевной и тесной жизни «в футляре», в которую оказался погружен целый город, запуганный нелепым Беликовым так, что даже погода во время его похорон заставляет быть всех в калошах и с зонтами, в рассказе «Человек в футляре» вдруг, как окно в другой мир, возникает прекрасная сельская картина, залитая лунным светом, от которой веет свежестью и покоем.

Пейзаж полон жизни там, где есть возможность просвета в тусклом круговороте будней. Внезапное прозрение учителя словесности, пережившего упоение «мещанским счастьем», освещено ярким мартовским солнцем и озвучено шумом скворцов в саду, поэтому есть надежда, что бегство Никитина от пошлости состоится.

Герой рассказа «Дама с собачкой» Гуров видит безжизненный пейзаж: «забор, серый, длинный, с гвоздями», напоминающий нам забор из «Палаты № 6», и признает себя вечным пленником, которому «уйти и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах». Тень решетки на полу палаты № 6 усиливает ощущение беспросветности положения доктора Ратина; зато, когда смерть разрывает сети, опутавшие его разум и волю, «стадо оленей, необыкновенно красивых и грациозных», пронесится перед глазами умирающего, олицетворяя прорыв в иную реальность.

Смерть торжествует над жизнью и в повести «Черный монах», пейзаж в которой имеет особенное значение. Гибель сада Песоцкого, служащего символом полнокровной, многокрасочной жизни, подчеркивает ужас мира, позволяющего быть счастливым только сумасшедшему. На фоне естествен-

ной красоты картин русской природы, пронизывающих повествование, еще безумнее кажутся мысли магистра Коврина, одержимого манией величия; а осязаемая конкретность каждой детали описания, будь то тропинка во ржи, река на закате или обнаженные корни деревьев, контрастирует с абстракцией черного призрака.

Через пейзаж проявляется отношение Чехова к своим героям. Беликов ни разу не появляется на фоне природы. Николая Ивановича Чимшу-Гималайского окружают «каналы, заборы, изгороди». Это люди, потерявшие человеческий облик. Пока в душе доктора Старцева теплился огонек, рассказ о его жизни сопровождался описаниями природы; автор даже подарил ему любимый клен в саду. Похожий на языческого бога Ионыч больше не стоит такого подарка. Чем живет душа, тем созвучнее она существу природы.

Органично вписаны в пейзаж старинной усадьбы сестры Волчаниновы, героини рассказа «Дом с мезонином», симпатичные автору так же, как и увидевший их рассказчик, оказавшийся художником-пейзажистом. Неотделим от пейзажа в рассказе «Крыжовник» купающийся под дождем Иван Иванович, слитность которого с природой подчеркнута движением качающихся на исходящих от него волнах белых лилий. Этому герою доверено высказывать самые близкие автору мысли.

Увиденные спокойные реалистические пейзажи всегда напоминают о прекрасном. Душа лунной ночью «кротка, печальна, прекрасна, и кажется, что и звезды смотрят на нее ласково и с умилением и что зла уже нет на земле и все благополучно» («Человек в футляре»); «Теперь, в тихую погоду, когда вся природа казалась кроткой и задумчивой, Иван Иванович и Буркин были проникнуты любовью к этому полю, и оба думали о том, как велика, как прекрасна эта страна» («Крыжовник»); «Буркин и Иван Иванович вышли на балкон; отсюда был прекрасный вид на сад и на плес, который блестел теперь на солнце, как зеркало» («О любви»). Больной, охваченный страхом Коврин видит беспокойный импрессионистический пейзаж: «Бухта, как живая, глядела на него множеством голубых, синих, бирюзовых и огненных глаз и манила к себе» («Черный монах»). Потерявшему трезвое мировосприятие Никитину грезится нечто сюрреалистическое: «Тут он увидел дубы и вороны гнезда, похожие на шапки. Одно гнездо закачалось, выглянул из него Шебал-

дин и громко крикнул: «Вы не читали Лессинга!» («Учитель словесности»). Праздному взору художника, гостя Волчаниновых, открываются романтические пейзажи, напоминающие о галантной живописи XVIII века. Эстетствующий Рябовский рисует многозначительный символический пейзаж: «...черные тени на воде – не тени, а сон ...в виду этой колдовской воды с фантастическим блеском, в виду бездонного неба и грустных, задумчивых берегов, говорящих о суете нашей жизни и о существовании чего-то высшего, вечного, блаженного, хорошо бы забыться, умереть, стать воспоминанием» («Попрыгунья»).

Символизм свойственен и чеховскому пейзажу. В рассказах писателя слова «сад», «дождь», «луна», «утро», «осень», «весна» и другие нужны не только для обозначения места и времени действия или погоды. Это символы, неотделимые от контекста, позволяющие наполнить произведения глубоким философским смыслом. Рассмотрим подробнее некоторые из таких деталей пейзажа.

Одним из сквозных образов творчества Чехова является **дождь – символ беспросветности** будничной жизни, неосуществимости истинного счастья. Непрерывный дождь, с разговоров о котором начинается рассказ «Душечка», так же однообразен и скучен, как и антрепренер Кукин, с чьего лица не сходит выражение отчаяния даже в день счастливой свадьбы. Дождь идет, когда учитель словесности Никитин начинает осознавать мнимость доставшегося ему счастья. Вид серого неба и мокрых деревьев предваряет повествование героя рассказа «О любви» Алехина о жизни, в которой счастье несовместимо с порядочностью. Шумом дождя сопровождается описание уродливого счастья помещика Чимши-Гималайского, достигнутого ценой потери живой души. Дождливая погода омрачает день похорон Беликова, ставшего мертвецом еще при жизни. В то же время интеллигентный, философски мыслящий Иван Иванович, умеющий противостоять рутине обывательщины, с наслаждением подставляет лицо под дождь.

Образ сада также часто присутствует в рассказах Чехова. Это символ добра, красоты, человечности, осмысленности существования. Сад полон музыки счастья, это приют влюбленных, где даже тюльпаны и ирисы просят, «чтобы с ними объяснялись в любви» («Учитель словесности»). Никитин и Манюся, Коврин и Таня, Художник и Мисюся, Старцев

и Екатерина Ивановна встречаются в садах, когда их души наполнены чистым, искренним чувством. Сад отзывчив к душевному состоянию героев, влияет на их настроение. Утомленный, с расшатанными нервами Коврин попадает в холодный сад, затянутый едким дымом; но «взошло солнце и ярко осветило сад», и «в груди его шевельнулось радостное чувство, какое он испытывал в детстве, когда бегал по этому саду» («Черный монах»). Сад требует постоянного ухода, поэтому он символизирует работу, движение, неразрывную связь поколений: «Но что больше всего веселило в саду и придавало ему оживленный вид, так это постоянное движение. От раннего утра до вечера около деревьев, кустов, на аллеях и клумбах, как муравьи, копошились люди с тачками, мотыгами, лейками...» («Черный монах»). В общем, сад – это идеал полноценного бытия: «Когда зеленый сад, еще влажный от росы, весь сияет от солнца и кажется счастливым... то хочется, чтобы вся жизнь была такою» («Дом с мезонином»). Поэтому гибель сада всегда символизирует смерть.

Символом смерти традиционно считается и **луна**. Лунный свет заливают множество пейзажей Чехова, наполняя их печальным настроением, покоем, умиротворением и неподвижностью, сходными с теми, что приносит смерть. За рассказом о смерти Беликова следует описание видного до горизонта поля; «и во всю ширь этого поля, залитого лунным светом, т. е. ни движения, ни звука». Коврин, незадолго до смерти любясь наполненной лунным светом бухтой, поражается согласию цветов, мирному, покойному и высокому настроению. Луна освещает холодный труп доктора Ратина, узника палаты № 6. Но наиболее четко мысль о родстве луны и смерти выражена в рассказе «Ионыч», когда Старцев видит кладбищенский «мир, где так хорош и мягок лунный свет, точно здесь его колыбель», где «веет прощением, печалью и покоем»

Луна – многозначный символ. Отразившись в воде, она вызывает в душе прилив темной страсти, изменяет мироощущение, омрачает рассудок. В сумраке появляется перед Ковриным на берегу реки Черный монах, и его «бледное, страшно бледное, худое лицо» могло оказаться выглянувшей из-за туч луной. Если сад был символом светлой, возвышающей человека любви, то луна толкает к запретному чувству, побуждает к неверности. В рассказе «Дама с собачкой» Гуров с Анной Сергеевной делают первые шаги навстречу друг дру-

гу, поражаясь необычному сиреневому морю с идущей по нему от луны золотой полосой. Ольга Ивановна из рассказа «Попрыгунья», зачарованная «лунным блеском», «бирюзовым цветом воды, какого она раньше никогда не видела», решается на измену мужу. Неопытная Аня, героиня рассказа «Анна на шее», делает первый шаг на пути испорченной кокетки, когда «луна отражалась в пруде». Эротические фантазии овладевают возбужденным лунным светом Старцевым: «...перед ним белели уже не куски мрамора, а прекрасные тела, он видел формы, которые стыдливо прятались в тени деревьев, ощущал тепло, и это томление становилось тягостным...» («Ионыч»).

Так просто, естественно, немногословно Чехов рисует в своих рассказах пейзажи, не только составляющие единый и стройный образ русской земли, но и обогащающие произведения неисчерпаемой глубиной смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катаев, В. Б. Проза Чехова : проблемы интерпретации / В. Б. Катаев. – М. : изд-во Московс. ун-та, 1979. – 326 с.
2. Линков, В. Я. Художественный мир прозы А. П. Чехова / В. Я. Линков. – М. : изд-во Московс. ун-та, 1982. – 128 с.
3. Семанова, М. Л. Чехов в школе / М. Л. Семанова. – Л. : Учпедгиз, 1954. – 282 с.
4. Солженицын, А. И. Творчество А. П. Чехова / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1998. – № 10. – С. 17.
5. Чехов, А. П. Избранные произведения : в 3 т. / А. П. Чехов. – М. : Худ. лит., 1964. – Т. 1. – 622 с. – Т. 2. – 614 с. – Т. 3. – 622 с.
6. Чехов, А. П. Избранные произведения / А. П. Чехов. – Л. : Лениздат, 1974. – 704 с.

Е. Устименко

ЗАГРАНИЧНОЕ СТРАНСТВИЕ АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА

Объект исследования: переписка Чехова с родными и друзьями во время поездки в Европу (1891 год).

Предмет исследования: заграничное путешествие Антона Павловича Чехова в 1891 году.

Гипотеза исследования: поездка Чехова в Западную Европу положительно повлияла на душевное и физическое состояние Чехова, что отразилось в его произведениях.

Цель исследования: познакомиться с малоизвестным периодом жизни Чехова, а именно с поездкой в Западную Европу.

Задачи исследования:

1. Изучить письма Чехова в период его поездки (с 5 марта 1891 года до 27 апреля 1891 года).
2. Выявить причины, повлиявшие на решение Чехова поехать в путешествие по Европе.
3. Изучить произведения, написанные сразу после поездки по Европе.

Введение

Я, как и все, начала изучать творчество Чехова с начальных классов. И с каждым прошедшим годом узнаю о нем все больше и больше.

На уроках литературы мы изучали и изучаем произведения великого писателя, отразившего его душу и мысли, владевшие им в разные годы жизни.

А. Чехов родился «17(29) января 1860 года в Таганроге, в маленьком домике на Полицейской улице...».

Мы узнали его «молодые» произведения, такие, как «Пестрые рассказы», и забавный псевдоним «Антоша Чехонте», который ему дал Покровский еще в годы учебы в гимназии.

Мы познакомились с его семьей: «Отец – Павел Егорович Чехов, мать – Евгения Яковлевна Чехова. Старшие братья – Чехов Александр Павлович, Чехов Николай Павлович, Чехов Иван Павлович, сестра – Чехова Мария Павловна, младший брат – Чехов Михаил Павлович».

Мной была изучена поездка Чехова на Сахалин и сделан вывод, что после того как он вернулся с Сахалина в 1890 году, в его творчестве наблюдается небольшой перерыв.

Также Чехов совершил путешествие в Западную Европу, но об этой поездке практически ничего не известно, о ней ничего не писали либо писали очень мало.

Предполагаю, что, возможно, именно в этот период «за-тишья» он совершил путешествие в Европу. Если так, то с какой целью Чехов поехал туда? Что там он увидел, какие города посетил и как эта поездка сказалась на дальнейшем творчестве Чехова?

Чтобы это понять, я решила изучить этот малоизвестный факт из жизни писателя через его переписку с родственниками и друзьями.

Путь Чехова

Чехов долгое время путешествовал по России, многое видел и даже совершил поездку на Сахалин, которая оказалась очень тяжелой и для физического, и для душевного состояния писателя. Впереди у него было много работы, куча исследований, в голове уже зрели идеи новых произведений. Но Антон Павлович был измотан, даже истощен, и в таком состоянии он не хотел работать.

И тут удача, его друг Суворин предложил Чехову совершить путешествие в Европу, на что тот среагировал очень возбужденно: «Едем!!! Я согласен, куда угодно и когда угодно. Душа моя прыгает от удовольствия. Не поехать было бы глупо с моей стороны, ибо когда еще представится случай?» (5 марта 1891 год, А. С. Суворину).

Но было много мелких и больших причин не ехать. В письме Суворину он их перечислил:

«1) У меня еще не кончена моя работа. Если я ее отложу до мая, то сахалинскую работу придется начать не раньше июля, а это опасно, ибо сахалинские впечатления у меня уже испаряются, и я рискую забыть многое.

2) У меня совсем нет денег. Если я, не кончив своей работы, возьму еще тысячу рублей на поездку, а потом после поездки на прожитие, то я так запутаюсь, что сам черт не вытянет меня за уши. Я еще не запутался, потому что изо-щряюсь и живу скромнее просвирни, но если я поеду, то все

пойдет к черту, счета мои запутаются, и я почувствую себя в неоплатных долгах. При одной мысли о двухтысячном долге я падаю духом» (5 марта 1891 год, А. С. Суворину).

Но уже на следующий день он решил ехать и в предвкушении поездки находился в самом благоприятном расположении духа.

Поездка была запланирована на 18 марта, а до этого Антон Павлович Чехов решил освежить свои знания об искусстве Европы, чтобы составить небольшой план дальнейшей дороги.

Накануне поездки, 16 марта 1891 года, Чехов посетил театр и видел итальянскую актрису Дузе:

«Я по-итальянски не понимаю, но она так хорошо играла, что мне казалось, что я понимаю каждое слово. Замечательная актриса. Никогда ранее не видал ничего подобного. Глядя на Дузе, я понимал, отчего в русском театре скучно.

Завтра в половину второго уезжаем в Варшаву. Оставайтесь все живы и здоровы!» (17 марта 1891 год, М. П. Чеховой).

Страсть познать непознанное горела в Чехове ярким и жгучим огнем, и в марте 1891 года он впервые совершил поездку в Западную Европу.

Длилась его поездка всего месяц, за это время писатель успел посетить много городов и увидеть много прекрасного. Но все впечатления от этой поездки Чехов оставил в себе.

Первая страна, которую посетил писатель, была Австрия, но побывал он только в одном городе – Вене. Не задержавшись там надолго, Чехов отправился в Италию, и она поразила его своей неповторимой красотой: яркие краски соборов, церковей запали ему в душу, манеры и традиции итальянцев удивляли его. А городские улицы! Их просто нельзя описать словами, это надо увидеть своими глазами.

Чехов побывал в Вене, Венеции, на один день задержался в Болонье, 29 марта прибыл во Флоренцию, после был Рим и, наконец, Неаполь. И через Рим (где Чехов и его друзья остановились на один день) они отправились «покорять» Францию.

Во Франции, в отличие от Италии и Австрии, Чехов больше внимания уделил не достопримечательностям, а известному во Франции пороку – казино.

Ницца... Из Ниццы на несколько дней отправились в Монте-Карло. После Ниццы Чехов отправился в Париж (хотя

и не планировал этого, он и его компаньоны хотели ехать в Россию и по пути заехать в Милан, а потом в Берлин) и задержался там с компаньонами на восемь дней.

Вена (Австрия). Один город, много впечатлений

Как было сказано ранее, первым городом стала Вена.

Австрия славится своей красотой и покорила его Вена с первого взгляда: «Ах, друзья мои тунгусы, если бы вы знали, как хороша Вена! Ее нельзя сравнить ни с одним из тех городов, какие я видел в своей жизни» (20 марта 1891 года писал Чехов).

Архитектура Австрии поразила Чехова с первого взгляда, и он стремился все увидеть, все почувствовать и ничего не упустить. Поразило его то, как много в Вене магазинов.

«А магазины – это не магазины, а сплошная головомучительная мечта! Одних галстуков в окнах миллиарды! Какие изумительные вещи из бронзы, фарфора, кожи!» (20 марта 1891 года, Чеховым).

Истинная красота Вены – это церкви и храмы, которые, по словам Чехова, «не дают своею громадою, а ласкают глаза, потому что кажется, что они сотканы из кружев».

Для Чехова в каждом городе были важны мелочи. Он брал их на вооружение и использовал в своем творчестве: он наблюдал за людьми, за их манерами, речью. Например, читая его произведения, вы заметите сходство с немцами – нужно только уметь обращать внимание на детали.

Чудесный город заставил Чехова пережить волнующие моменты наслаждения красотой, и этим чувством он поделился с семьей в переписке.

«Улицы широкие, изящно вымощенные, масса бульваров и скверов, дома все 6- и 7-этажные. Церкви громадные, но они не дают своею громадою, а ласкают глаза, потому что кажется, что они сотканы из кружев. Особенно хороши собор св. Стефана и Votiv-Kirche. Это не постройки, а печенье к чаю. Великолепны парламент, дума, университет... все великолепно» (20 марта 1891 год, Чеховым).

Раньше, путешествуя по России, Чехов не задумывался над этим, но здесь отметил, что архитектура – это искусство.

«Архитектура в самом деле искусство. И здесь это искусство попадает не кусочками, как у нас, а тянется полосами в несколько верст» (20 марта 1891 год, Чеховым).

Особое внимание писатель уделил здешней кухне, которая не смогла оставить его равнодушным и в хорошем, и в плохом смысле этого слова.

«Обеды хорошие. Водки нет, а пьют пиво и недурное вино. Одно скверно: берут деньги за хлеб. Когда подают счет, то спрашивают: сколько слопал булок? И берут за всякую булочку» (20 марта 1891 год, Чеховым).

И последнее о Вене.

«Женщины красивы и изящны. Да вообще все чертовски изящно».

Культура Италии глазами Чехова

Венеция

Покорение Италии начинается. И здесь талант Чехова не смог найти подходящих слов, чтобы описать удивительную красоту Венеции.

«Одно могу сказать: замечательнее Венеции я в своей жизни городов не видел. Это сплошное очарование, блеск, радость жизни» (24 марта 1891 год, И. П. Чехову).

Венеция – самый удивительный город в мире – город на воде, и даже за это она заслужила место в душе писателя. Величайшие произведения архитектуры были на каждом шагу, куда ни посмотри. Вместо дорог, пыли и карет – каналы и гондолы. Спокойный воздух этих улиц будит ум и толкает к творчеству и созерцанию.

«Вместо улиц и переулков, каналы, вместо извозчиков гондолы, архитектура изумительная, и нет того местечка, которое не возбуждало бы исторический или художественный интерес» (24 марта 1891 год, И. П. Чехову).

Как было сказано выше, Чехов хорошо подготовился к поездке по Европе: он много читал, изучал, и вот результат его познаний:

«Плывешь в гондоле и видишь дворцы дожей, дом, где жила Дездемона, дома знаменитых художников, храмы... Одним словом, очарование» (24 марта 1891 год, И. П. Чехову).

И здесь Чехов сделал пару заметок об архитектуре:

«Брожу по знаменитой площади святого Марка. Площадь гладка и чиста, как паркет. Здесь собор святого Марка – нечто такое, что описать нельзя, дворец дожей и такие здания,

по которым я чувствую подобно тому, как по нотам поют, чувствую изумительную красоту и наслаждаюсь» (24 марта 1891 год, И. П. Чехову).

Вечера в Венеции стали для Чехова сладостным и долгожданным продолжением дня, ведь вечером здесь начинается другая жизнь.

«А вечер! Боже ты мой господи! Вечером с непривычки можно умереть. Едешь ты на гондоле... Тепло, тихо, звезды... Лошадей в Венеции нет, и поэтому тишина здесь, как в поле. Вокруг снуют гондолы... Вот плывет гондола, увешанная фонариками. В ней сидят контрабас, скрипки, гитара, мандолина и корнет-а-пистон, две-три барыни, несколько мужчин – и ты слышишь пение и музыку. Поют из оперы. Какие голоса! Проехали немного, а там опять лодка с певцами, а там опять, и до самой полночи в воздухе стоит смесь теноров, скрипок и всяких за душу берущих звуков» (24 марта 1891 год, И. П. Чехову).

Даже были мысли у Чехова о том, чтобы остаться, естественно, несерьезные. Но такие заманчивые, ведь этот город навевал на него столько впечатлений, радостных мгновений, теплых воспоминаний.

«Русскому человеку, бедному и приниженному, здесь в мире красоты, богатства и свободы не трудно сойти с ума. Хочется здесь навеки остаться, а когда стоишь в церкви и слушаешь орган, то хочется принять католичество» (24 марта 1891 год, И. П. Чехову).

А больше всего восхитило его то, что художников, писателей и деятелей искусства здесь почитают и хоронят как королей, а любое произведение оценивают, восхваляют. Это отличает Италию от России.

«Здесь великих художников хоронят, как королей, в церквях; здесь не презирают искусства, как у нас: церкви дают приют статуям и картинам, как бы голы они ни были» (24 марта 1891 год, И. П. Чехову).

Великолепная Венеция покорила его всем, что только она имела. Своей радостью и возбуждением он делится с друзьями. Чехов не может усидеть на месте, он должен увидеть все в этом городе.

«Я в Венеции. Посадите меня в сумасшедший дом. Гондолы, площадь св. Марка, вода, звезды, итальяночки, вечерние серенады, мандолины, фалернское вино – одним словом, все пропало! Не поминайте лихом» (25 марта 1891 год, М. В. Киселевой).

Восхищению Чехова людьми искусства не было границ, и он напишет своей любимой семье, рассказывая свои впечатления:

«Такие дома и церкви могут строить только люди, обладающие громадным художественным и музыкальным вкусом и одаренные львиным темпераментом» (25 марта 1891 год, Чеховым).

В письме М. Е. Чехову Антон Павлович описал церковь св. Марка.

«Три мачты, стоящие перед церковью, высоки; они сделаны из бронзы; на них когда-то выкидывали флаги Венецианской республики, теперь же по воскресеньям развеваются громадные итальянские флаги. Над главными дверями четыре коня из бронзы больше, чем в натуральную величину. Множество скульптурных украшений самой высокой стоимости. Весь храм до такой степени великолепен, что оценить его на деньги не возможно; он выше всякой цены, и местные горожане говорят, что их город не имеет смысла без этого храма и если бы, положим, неприятели захотели уничтожить город, то для этого достаточно было бы только разрушить один храм» (25 марта 1891 год, М. Е. Чехову).

Но как же портит впечатление о таком прекрасном городе дождь! Чехов не любил дождь, он наводил на него тоску, и все то прекрасное, что он видел вчера, становилось унылым и серым сегодня.

«Лупит во всю ивановскую дождь. Venezia bella перестала быть bella. От воды веет унылой скукой, и хочется поскорее бежать туда, где солнце» (26 марта 1891 год, Чеховым).

Вот и подошла к концу поездка в Венецию. Как все красиво начиналось и как уныло закончилось. Теперь поскорее во Флоренцию, есть надежда на то, что там тепло и солнечно.

Болонья

Всего один день в Болонье принес Чехову восторженное настроение.

«Я в Болонье, городе, знаменитом своими аркадами, косями башнями и картиной Рафаэля “Цецилия”» (28 марта 1891 год, Чеховым).

Флоренция

Недолго пробыл Чехов во Флоренции: отдохнуть и насладиться красотой этого города помешали дожди.

Флоренция – один из самых больших и красивых городов Италии.

Но ее красоту портит дождь: пасмурная погода помешала Чехову насладиться достопримечательностями этого города, и он лениво и без энтузиазма путешествовал из музея в музей.

«Я во Флоренции. Замучился, бегаючи по музеям и церквам. Небо пасмурно, а Италия без солнца, это все равно, что лицо под маской» (29 марта 1891 год, Чеховым).

Рим

Рим всегда вызывал восторг у людей, но Чехова он утомял уже в первый день: отправившись в величественный Ватикан за впечатлениями, вернулся он разбитым:

«Шатаюсь по Ватикану, я зачах от утомления, а когда вернулся домой, то мне казалось, что мои ноги сделаны из ваты» (1 апреля 1891 год, М. В. Киселевой).

Рим – «тяжелый» город, и Чехова мучила тоска по дому, по домашней еде, по людям и родной земле. А впереди еще Франция.

«Видел я все и лазил всюду, куда приказывали. Давали нюхать – нюхал. Но пока чувствую одно только утомление и желание поестъ щей с гречневой кашей. Венеция меня очаровала и свела с ума, а когда выехал из нее, наступили Бэдекер и дурная погода» (1 апреля 1891 год, М. В. Киселевой).

Многие знаменитые места посетил Чехов, но все тот же дождь портил ему настроение.

«Был я в храме Петра, в Капитолии, в Колизее, на Форуме, был даже в кафешантане, но не получил того наслаждения, на какое рассчитывал. Мешает погода. Идет дождь» (1 апреля 1891 год, Чеховым).

Зато Чехову понравился отель, в котором они жили.

«В Риме живем, как кардиналы, потому что занимаем Salon в бывшем дворце кардинала Конти, а ныне в отеле «Minerva»; две больших гостиных, люстры, ковры, камин» (1 апреля 1891 год, Чеховым).

Неаполь

В Неаполе погода лучше, но нет того возбужденного ощущения, какое было в начале поездки, а это значит, что Антон Павлович скучает по дому.

Причина поездки в Неаполь – желание увидеть Везувий, но видно его довольно редко из-за облаков.

«Везувий прячет свою вершину в облаках и бывает хорошо виден только по вечерам. Днем бывает пасмурно» (4 апреля 1891 год, Чеховым).

Но Чехову все же удалось побывать на вершине великого Везувия, когда он был в Помпее и находился во власти красного вина.

«Осмотрев Помпею, завтракал в ресторане, потом решил отправиться на Везувий. Такому решению сильно способствовало выпитое мною отличное красное вино. До подошвы Везувия пришлось ехать верхом. Сегодня по этому случаю у меня в некоторых частях моего брэнного тела такое чувство, как будто я был в третьем отделении и меня там выпороли. Что за мучение взбираться на Везувий! Пепел, горы лавы, застывшие волны расплавленных минералов, кочки и всякая пакость. Делаешь шаг вперед и – полшага назад, подошвам больно, груди тяжело... Идешь, идешь, идешь, а до вершины все еще далеко. Думаешь: не вернуться ли? Но вернуться совестно, на смех поднимут. Восшествие началось в 2:30 и кончилось в 6. Кратер Везувия имеет несколько сажен в диаметре. Я стоял на краю его и смотрел вниз, как в чашку. Почва кругом, покрытая налетом серы, сильно дымит. Из кратера валит белый вонючий дым, летят брызги и раскаленные камни, а под дымом лежит и храпит сатана. Шум довольно смешанный: тут слышится и прибой волн, и гром небесный, и стук рельс, и падение досок. Очень страшно и притом хочется прыгнуть вниз, в самое жерло. Я теперь верю в ад. Лава имеет до такой степени высокую температуру, что в ней плавится медная монета.

Спускаться так же скверно, как и подниматься. По коленам грузнешь в пепле. Я страшно устал» (7 апреля 1891 год, Чеховым).

Путники остановились на набережной, где открывался прекрасный вид на море, Везувий, Капри, Сорренто...

Но Неаполь Чехову запомнился не только прекрасными видами:

«У меня головокружение от магазинов. Сколько блеска! В Неаполе удивительный аквариум. Есть даже акулы и спруты. Когда спрут жрет какое-нибудь животное, то смотреть противно.

Был в парикмахерской и видел, как одному молодому человеку целый час подстригали бородку» (4 апреля 1891 год, Чеховым).

Вот Чехов и прокатился по Италии, которая оставила ему блестящие воспоминания и яркие эпизоды, и хотя под конец настроение ему испортила погода, поездку в Италию можно считать удачной.

Ницца

Интересный город Ницца, погода благоприятная, и у Чехова хорошее настроение. И, похоже, он решил отдохнуть от искусства и дать себе отдых. Например, в казино.

«Я прибыл во Францию. Остановился в отеле на берегу моря. Небо пасмурно. Тепло. Вчера играл в рулетку и проиграл 8 франков» (12 апреля 1891 год, Чеховым).

Но пробыл в Ницце Чехов недолго, уж очень сильно его манил город Монте-Карло.

Монте-Карло

Игра в казино – это наркотик, первые впечатления всегда зажигательные. Вот и Чехов увлекся игрой, и то, что он все проиграл, ничуть его не расстроило. Самая любимая и в то же время опасная игра – это рулетка, здесь все держится на везении, а не на расчетах.

«Черт знает, какая зажигательная игра. Я сначала выиграл 80 франков, потом проиграл, потом опять выиграл и, в конце концов, остался в проигрыше франков на сорок. Осталось в запасе 20 франков, пойду еще попытаю счастье. Я здесь с утра, а теперь двенадцатый час ночи. Если бы лишние деньги, то, кажется, целый год играл бы да ходил по великолепным залам казино!» (13 апреля 1891 год, Чеховым).

И снова Ницца

Ницца встретила писателя теплым солнцем, а Чехов все еще вспоминает такую короткую поездку в Монте-Карло. Там есть не только казино, но и еще одно дорогое удовольствие – рестораны, о них он такого же мнения, что и о казино.

«Около казино с рулеткой есть другая рулетка – это рестораны. Дерут здесь страшно и кормят великолепно. Что ни порции, то целая композиция, перед которой в благоговении нужно преклонять колена, но отнюдь не осмеливаться есть ее. Всякий кусочек изобильно уснащен артишоками, трюфлями, всякими соловьиными языками...» (15 апреля 1891 год, Чеховым).

Несмотря на всю роскошь Ниццы, Монте-Карло, Чехов понимал, что долго так не проживешь и что только сначала рулетка и рестораны кажутся красивой сказкой, а потом они производят такое угнетающее впечатление, что хочется скорее убежать и скрыться от греховного соблазна.

«Я люблю роскошь и богатство, но здешняя рулеточная роскошь производит на меня впечатление роскошного ватерклозета. В воздухе висит что-то такое, что вы чувствуете, оскорбляет вашу порядочность, опошляет природу, шум моря, луну» (15 апреля 1891 год, Чеховым).

Эта поездка уже перестала быть интересной и познавательной, и Чехов заскучал по дому, по своей работе, а ведь у него ее накопилось много. Пора заканчивать отдыхать и возвращаться к творчеству.

«Из всех мест, в каких я был доселе, самое светлое воспоминание оставила во мне Венеция. Рим похож в общем на Харьков, а Неаполь грязен. Море же не прельщает меня, так как оно надоело мне еще в ноябре-декабре» (15 апреля 1891 год, Чеховым).

План поездки домой был готов. Чехов и его друзья собираются домой.

«Завтра мы едем в Россию; на пути заедем в Милан, на итальянские озера, потом в Берлин» (17 апреля 1891 год, Чеховым).

Париж

Но как часто бывает, план разрушит коварная судьба, и путешественникам не удастся посетить Милан и Берлин.

«Все изменилось под нашим зодиаком. Вместо того чтоб ехать в Милан, как я писал, мы поехали в очаг цивилизации – Париж. Выехали из Ниццы в полдень и приехали в Париж в 8 часов утра» (19 апреля 1891 год, Чеховым).

Париж многолюден, здесь беспорядки не в новинку. Эйфелева башня прекрасна, но даже это великолепное творение человека не впечатлило Чехова.

«Да, Эйфелева башня очень, очень высокая. В пятницу в Париже ожидалось волнения. Народ толпами ходил по улицам, кричал, свистал, волновался, а полицейские разгоняли его. Чтобы разогнать большую толпу, здесь достаточно десятка полицейских. Полицейские делают дружный натиск, и толпа бежит, как сумасшедшая. В один из натисков и я сподобился: полицейский схватил меня за лопатку и стал толкать вперед себя» (21 апреля 1891 год, Чеховым).

И еще одно впечатление Чехов оставит на бумаге о Париже:

«Масса движений. Улицы роятся и кипят. Что ни улица, то Терек бурный. Шум, гвалт. Тротуары заняты столиками, за столиками – французы, которые на улице чувствуют себя, как дома» (21 апреля 1891 год, Чеховым).

В Париже тесно и душно, романтический и красивый город давит своей теснотой.

«Церковь в Париже велика, размерами напоминает Митрофановскую, но было тесно и душно» (21 апреля 1891 год, М. Е. Чехову).

Чехов устал от Парижа, но он не может из него уехать, что-то все время мешает.

«Опять перемена. Один из русских скульпторов, проживающих в Париже, взялся сделать Суворину его бюст, и это задержит нас до субботы» (24 апреля 1891 год, Чеховым).

И вот наконец 27 апреля 1891 года Чехов отправился домой. Счастью его не было границ. Он так скучал по России, по семье и по любимой работе.

Заключение

И вот Чехов ступил на родную землю, по которой так тосковал, он был полон сил и находился в боевом настроении.

Тут же его засыпали письмами друзья. Чехов отвечал им с превеликим удовольствием, рассказывая о своей поездке.

«Многоуважаемый Александр Иванович, Ваше письмо, где Вы приглашаете меня на чашку чая “с последствиями”, я получил только вчера, вернувшись из Содома и Гоморры. Пока мы не виделись, я успел побывать в Италии, в Париже, Ницце, Берлине, Вене...

В Париже видел голых женщин» (3 мая 1891 год, А. И. Урусову).

Россия, Россия – матушка Россия. После этой поездки в Европу Чехов не только стал больше любить свою Родину, но и ценить каждый день, прожитый им в России. Как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше.

Почти сразу после возвращения домой Чехов начал работу. Он вставал рано и писал до позднего вечера – у него в голове было столько идей, и он мечтал воплотить их в жизнь.

Этим же летом Чехов написал одно из интереснейших своих произведений – повесть «Дуэль».

В конце 1891 года Чехов написал повесть «Попрыгунья».

Европа велика и красива, и Чехову довелось посетить ее города, наполненные архитектурными достопримечательностями, богатые историческими местами, где совсем другие люди и нравы. Все это запомнится Чеховым и найдет отражение в его последующем творчестве. Он ничего не упустил из виду, ничего не забыл и сохранил свои впечатления в письмах к родным, которые представляют большую важность, ведь в них Чехов предстает в своем «живом» облики, со всеми эмоциями и переживаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов, М. П. Вокруг Чехова : воспоминания / М. П. чехов ; вступ. ст. О. Н. Ефремова ; примеч. Е. М. Сахаровой. – М. : Худ. лит., 1981. – 336 с.

2. Балабанович, Е. З. Из жизни А. П. Чехова. Дом в Кудрине / Е. З. Балабанович. – 4-е изд., доп. – М. : Моск. рабочий, 1976. – 288 с.

3. Чехов, А. П. Собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов ; гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. – М. : Наука, 1983–1988.

4. Антон Павлович Чехов. Биография : пособие для учащихся / Т. С. Сергиенко. – Л. : Учпедгиз, 1963. – 127 с.

*Ю. Фокина***ТЕМА ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА****Введение**

В конце XIX в. детская литература обогатилась произведениями Антона Павловича Чехова (1860–1904) о детях и для детей, в которых он продолжает традиции Л. Н. Толстого, связанные с проникновением в психологию ребенка, с раскрытием «диалектики его души» («Ванька», «Спать хочется», «Беглец», «Детвора», «Мальчишки»). А. П. Чехов глубоко интересовался вопросами воспитания, образования подрастающего поколения, и в его юмористических рассказах разбросано немало язвительных замечаний о казенной системе классического образования («Репетитор», «Человек в футляре», «Случай с классиком»). Писатель хорошо знал детское мироощущение и тонко его раскрывал в рассказах «Гриша», «Событие», «Дома», «Детвора» и др.

Рассказы А. П. Чехова о детях – шедевры русской литературы, в которых все правдиво и без фальши. А. П. Чехов горячо любил детей. В его отношениях с ними было много душевной теплоты, искренней веселости и забавной игры, он охотно подолгу беседовал с ребятами, писал им шуточные письма, рисовал интересные картинки. Писатель проявил большое внимание к детскому чтению. Сам Чехов, изображая мир детей, прекрасно воспроизводил не только внешние черты поведения ребенка, особенности его речи, но и умел «мыслить на его манер», смотреть на мир детскими глазами. Этим и обусловлен выбор данной **темы** автора работы.

Целью работы является исследование и анализ рассказов Чехова о детях и выявление позиции писателя по **проблеме**: для кого писал Чехов рассказы о детях: взрослому или ребенку?

Для изучения данной проблемы автор поставил следующие **задачи**: познакомиться с биографией А. П. Чехова; изучить критическую литературу по данной теме; проанализировать рассказы писателя о детях; подобрать иллюстрации к «детским» рассказам Чехова.

Автор работы видит **актуальность** данной темы в том, что в наше время дети нуждаются во внимании взрослых, а

также в том, что чеховские произведения о детях способствуют воспитанию духовно-нравственных качеств подростков.

Вопросы и проблемы, поднимаемые Чеховым, не утратили своей злободневности. Данному вопросу уделили внимание многие исследователи творчества Чехова, например, Э. А. Полоцкая («Пути чеховских героев»), В. И. Кулешов («Жизнь и творчество А. П. Чехова»), М. Громов и др.

Для выявления позиции писателя по проблеме автор работы анализирует следующие рассказы Чехова о детях: «Спать хочется», «Ванька Жуков», «Гриша», «Событие».

I. В родительском доме

В детстве у меня не было детства.

А. П. Чехов

(из письма старшему брату от 4 апреля 1893 г.)

А. П. Чехов родился 17 января 1860 г. в городе Таганроге на берегу Азовского моря в доме на Полицейской улице (ныне Чеховская улица, дом № 47).

Предки Чехова были крепостными, позже выкупившиеся на волю. Отец Павел Егорович был купцом и держал в Таганроге бакалейную лавку. Мать Евгения Яковлевна хлопотала по хозяйству и занималась воспитанием детей.

Антону и его старшим братьям приходилось подолгу просиживать в отцовской лавке, «приучаясь к торговле». Уроки тоже приходилось готовить в лавке. Зимой там было так холодно, что в чернильнице замерзали чернила, а пальцы синели и не слушались. В гимназии за плохо выполненный урок ставили единицу, а отец за единицу порол. В лавке приходилось сидеть круглый год. Детям многое запрещалось делать, что в детстве запрещалось делать самому Павлу Егоровичу. Человеком он был твердым и усвоенное однажды не пересматривал. Из-за того что лавка открывалась в 5 утра, детям было очень тяжело вставать, но в лавке нужен был хозяйский глаз на «мальчиков» Андрюшу и Гаврюшу, которые служили в лавке у отца. Им жилось еще труднее, чем хозяйским детям. И, главное, они не могли учиться. Об этих самых «мальчиках» вспоминал Чехов, когда писал рассказы «Ванька» и «Спать хочется».

А. П. Чехов писал: «Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоми-

нать. Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа и ругал мать дурой» (2 января 1889 г.).

Павел Егорович и Евгения Яковлевна не одарили своих детей капиталом, о котором так мечтал глава семейства и ради которого он приносил в жертву родных детей. Однако они наделили их подлинным богатством – щедро одарили талантом. Чехов родился, чтобы стать писателем, и это осветило его семью и его род необычным, загадочным светом. Очевидно, что именно в детстве самого А. П. Чехова и следует искать истоки той трепетной темы, которая навсегда сблизила его с маленькими людьми.

II. Писательская деятельность Чехова

С 16 до 18 лет Чехов провел в Таганроге один, и эти годы стали его первой школой жизни: в Москву он приехал другим человеком.

Знакомство с мировой культурой для Чехова началось с Библии, но не обошел он вниманием и прессу, которая стала для него источником сюжетов и непридуманных ситуаций.

Действительность, на почве которой развивалось творчество писателя, внешне была как будто мирной и получила репутацию «бессобытийного» времени, но на самом деле это были годы мрачайшей в России реакции, для которых характерны скрытость и негласные формы государственного террора.

Чехов как-то сразу отрешился от природной стороны жизни и понял ее в общественных категориях и оценках, создав в дальнейшем грандиозную по широте охвата и глубине проникновения картину быта и нравов русского общества своего времени.

...В 1890-е годы отечественная литературная ситуация внезапно меняется.

У многих читателей возникло тогда ощущение, что литературное вещество, помимо воли самих писателей, начало сжиматься, концентрироваться. И на смену грандиозным романам пришли короткие рассказы: «малая» форма в одночасье восторжествовала над «большой».

Начинал молодой Чехов-юморист с жанра сценки (короткого юмористического рассказа, картинки с натуры). Че-

хов, печатаясь в петербургском журнале «Осколки», виртуозно овладел полубившейся техникой и поднял ее до уровня большой литературы, наполнив искрометным юмором.

Когда речь идет о сатире и юморе чеховского типа, то суть дела надо видеть в самой действительности, которая может быть адекватно описана лишь в сатирически-юмористической форме. Так, сатира и юмор Чехова не обязательно смешны, горькие в своей правдивости, они поражают точностью, краткостью, выразительностью и глубиной понимания социальных проблем. Секрет чеховского мастерства, тайна воздействия на читателя до сих пор до конца не разгаданы. Но ясно одно: Чехов – необычный писатель. Его рассказы надо читать и перечитывать всю жизнь, каждый раз открывая неведомые грани его творчества и соответственного понимания жизни.

III. Тема детства в творчестве Чехова

А. П. Чехов горячо любил детей. Наиболее активно Чехов писал рассказы о детях во второй половине 80-х гг.: «Детвора», «Ванька», «Событие», «Кухарка женится», «Беглец», «Дома», «Гриша», «Мальчики», «Спать хочется» и другие. Особенности детского восприятия действительности проявляются на всех уровнях художественного текста, где каждая деталь является тончайшим наблюдением за детской душой.

В январе 1900 года А. П. Чехов пишет серьезное, даже, пожалуй, назидательное письмо Г. И. Россолимо – литератору и издателю, просившему переслать ему для сборника детские рассказы (*приложение 1*).

Чехов прослеживает становление характера, приобщение ребенка к сложному противоречивому миру взрослых в своих рассказах. У него мы «наблюдаем не только ребенка таким, как он кажется нам, но и самих себя, как мы кажемся ребенку». Строгая и объективная позиция писателя, ярость и выразительность повествования о явлениях действительности придавали неотразимую убедительность его произведениям. В его рассказах за фасадом благополучного существования – детская драма. О положении детей Чехов говорит, не очень-то стесняясь в выражениях в корреспонденции о «мальчиках» (*приложение 2*).

Душевная черствость и эгоизм мешают взрослым вглядеться в ребенка, понять, что происходит в его душе, ибо лень ума, забвение насущных истин препятствуют ответственным, нравственно активным поступкам, которые сблизили бы взрослых с детьми.

Вот Гриша – трехлетний малыш из одноименного рассказа, жадно впитывает в себя впечатления от первой прогулки по улице, а Чехов искусно отражает это в художественных деталях. Гриша – самый юный герой рассказов Чехова. Этому маленькому «пухлону» мальчику всего два года восемь месяцев. Он гуляет с нянькой по бульвару и поражен теми впечатлениями, которые получил во время прогулки. Писатель с изумительной чуткостью рассказывает о том, как малыш познает мир, как он трогателен, наивен и беззащитен от грубости няньки (именно такую форму этого слова выбирает Чехов), от бесцеремонности кухарки. Да и в своем привычном мире не все понимает: папа, который мелькает за закрытой дверью (зачем он существует?), тетя, которая лишь изредка появляется в доме (куда она так незаметно и таинственно исчезает?). Да и мама напоминала Грише куклу, видимо, не так часто бывала в детской.

Глубокий подтекст данного рассказа помогает понять важную мысль автора о понимании родителями того, что происходит с их детьми, и быть внимательными к их переживаниям и заботам.

Незащищенность ребенка от произвола взрослых может толкнуть его на ужасный поступок. Убийство души Варьки («Спать хочется», 1888), тринадцатилетней служанки, началось с того, что к ней отнесли как к вещи.

Ребенок, лишенный детства, – что может быть трагичнее! Протест Варьки принял страшную форму уже в детстве, насколько сильна ее физическая мука при полном отсутствии сочувствия с чьей-либо стороны. К сочувствию призывал Чехов, выступив адвокатом ребенка-убийцы. Будучи по профессии врачом, Чехов сознательно показал в рассказе, как опасно обременять ребенка непосильным трудом. Детская психика – явление тонкое и сложное, требующее к себе самого бережного отношения.

Так, в рассказе «Ванька» говорится о девятилетнем мальчике, который боялся своих хозяев, поэтому и писал письмо дедушке в тот момент, когда они ушли. При этом он постоянно оглядывался на темные окна, проверяя, не идет ли кто.

У Ваньки остался один дедушка, которого он очень любил, и с искренней надеждой ребенок ждал его. Самого дедушку он представлял как «юркого, подвижного старикашку», «с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами». Но дедушке, очевидно, безразлична судьба внука, он довольствовался тем, что ему в данный момент хорошо и спокойно: за полгода он ни разу не навестил Ваньку. И все же самое трагичное то, что письмо до дедушки так и не дойдет и никто этого мальчугана так и не услышит, и лучше ему не будет. Ванька засыпает с приятным, радостным чувством, в надежде, что дед приедет к нему и тогда-то на его жизнь прольется теплота родной и любящей души! Как страшно ранят сердце несбывшиеся детские мечты!

Но не один Ванька утирает слезы беспомощности и отчаяния, и его вины нет ни в чем! Много, много «Ванек» сломало свои невинные души о человеческую черствость, поразившую общество.

Заключение

Мир взрослых чаще всего очерчен привычками «окаменелого сознания», зачастую стереотипен и лишен той гибкости «первоузнавания», которая есть у ребенка. «В момент утраты личностью детскости исчезает и способность к развитию». Чехов неоднократно наблюдал, как «тяжесть быта» при отсутствии внутреннего сопротивления человека целиком замещает мир духовный. Именно поэтому писатель, стремясь показать какую-нибудь новую грань мира, нередко использует для этого взгляд своих героев-детей, даря взрослому возможность читать радость «первоузнавания». Перечитывая их, можно проследить всю историю человеческого детства – от первых шагов двухлетнего Гриши, с его наивными представлениями и вопросами, до каторжного труда, неволи и голода («Спать хочется», «Ванька»).

Литературовед М. Громов отмечает, что в рассказах о детях намечен и один из главных конфликтов основного чеховского сюжета – конфликт «отцов» и «детей». «Детские» рассказы нельзя отделять от «взрослых», потому что дети в мире Чехова повзрослеют и, повзрослев, не перестанут быть детьми своих постаревших отцов. Отцы и дети у Чехова – звенья семьи, звенья рода, связанные между собой глубоко

кими связями, скрытыми от посторонних глаз. Прошлое у Чехова пестует и нянчит настоящее, внушает ему сознание ответственности и неоплатного долга перед собою; прошлое дает настоящему свою веру, свои привычки, свой способ жизни; оно навязывает ему своих идолов и свои догмы – словом, прошлое формирует будущее по образу и подобию.

Чехов говорил, что писатель не судья, а лишь беспристрастный свидетель жизни. Между тем собственный, личный взгляд Чехова на конфликт отцов и детей выражен совершенно ясно: «Только ту молодость можно признать здоровою, которая не мирится со старыми порядками и глупо или умно борется с ними. Так хочет природа, и на этом зиждется прогресс».

Кроме того, рассказы Чехова о детях, лишенных детства («Ванька», «Спать хочется»), с предельной остротой ставили вопрос о справедливости социального неравенства, об ответственности общества перед самым молодым его поколением.

Все вышеизложенное дает нам основание утверждать, что «детская тема» в рассказах Чехова больше адресована вдумчивому взрослому читателю, а не ребенку. Ведь все мы родом из детства, и ответственность за будущее ребенка несут прежде всего родители и взрослые, которые оказываются рядом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд, Ю. И. Силуэты русских писателей / Ю. И. Айхенвальд. – М. : Республика, 1994.
2. Алексеева, О. В. А. П. Чехов : книга для учащихся / О. В. Алексеева ; под ред. А. В. Терновского. – М. : Просвещение, 1987.
3. Громов, М. П. Книга о Чехове / М. П. Громов. – М. : Современник, 1989.
4. Кулешов, В. И. Жизнь и творчество А. П. Чехова / В. И. Кулешов. – М. : Детская литература, 1985.
5. Мальчики : рассказы / послесловие М. Гордина. – Л. : Детская литература, 1980.
6. Полоцкая, Э. А. Пути чеховских героев / Э. А. Полоцкая. – М. : Просвещение, 1983.
7. Чудаков, А. П. Антон Павлович Чехов / А. П. Чудаков. – М. : Просвещение, 1987.
8. Чуковский, К. И. О Чехове / К. И. Чуковский. – М. : Художественная литература, 1967.

Интернет-ресурсы

1. <http://chegov/niv/ru/chegov/text/rassказы.htm>
2. <http://arhives.narod.ru/Chekhov.htm>
3. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Chehov.htm>
4. <http://www.serann.ru/t/t345.htm>
5. <http://www.pereplet/text/emec05mar02.htm>

*Приложение 1***Назидательное письмо Г. И. Россолимо –
литератору и издателю**

«То, что у меня, по-видимому, подходит для детей, – две сказки из собачьей жизни, посылаю вам заказной бандеролью. А больше у меня, кажется, нет ничего в этом роде. Писать для детей вообще не умею, пишу для них раз в 10 лет и так называемой детской литературы не люблю и не признаю. Детям надо давать то, что годится и для взрослых. Андерсен, “Фрегат Паллада”, Гоголь читаются охотно детьми, взрослыми также. Надо не писать для детей, а уметь выбирать из того, что уже написано для взрослых, и дозировать его – это целесообразнее и прямее, чем стараться выдумать для больного какое-то особенное лекарство только потому, что он ребенок».

*Приложение 2***Фельетон «Осколки московской жизни»,
8 октября 1883 года**

«Они будут по праздникам, пока лавка заперта, чистить тазы и самовары, выносить помои, нянчить хозяйских детенышей и за все это получать трескучие подзатыльники... Бить ребят можно, сколько угодно и чем угодно. Не хочешь бить рукой, бей веником, а то и кочергой или мокрой мочалкой, как это делают хозяйки и кухарки... День в холодной лавке, ночь в кухне или в холодных сенях, около холодного, как лед, рукомойника. И этаких... не десять, не сто, а тысячи!».

В. Харитонова

РОЖДЕНИЕ «ЧАЙКИ»

Антон Павлович Чехов – один из самых читаемых прозаиков и самых репертуарных драматургов в мире. Он прожил в двадцатом веке всего несколько лет, но искусство этого столетия неотделимо от его имени. Его знают и любят миллионы, но к каждому он приходит как незаменимый, единственный в своем роде друг.

Когда Чехов умер, Лев Толстой сказал: «Достоинство его творчества в том, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще. А это главное».

21 ноября 1895 года в письме Суворину Чехов сообщил, что закончил пьесу. Причем начал и закончил вопреки всем правилам драматического искусства. Речь шла о «Чайке» – она, действительно, написана «вопреки всем правилам», опрокидывает наши привычные представления о том, как надо писать пьесы.

Станиславский писал, работая над мизансценами «Чайки»: «Я понимаю пока только то, что пьеса талантлива, интересна, но с какого конца к ней подходить – не знаю».

А спустя несколько месяцев, переводчик произведений Чехова на немецкий язык говорил ему в своем письме примерно то же самое: «Я еще раз прочитал “Чайку” и нахожусь просто в отчаянии: чувствую, что это почти необычайно прелестное, но в чем именно эта прелесть, никак разобраться не могу».

Именно с этой пьесы берет свое начало большая чеховская драматургия. Сюжет здесь – не однокольная тропа, но лабиринт увлечений, роковых привязанностей, из которого нет выхода. «Чайка» резко отличается от предыдущих пьес Чехова своим лиризмом, символикой и ярко очерченным столкновением различных концепций искусства и концепций жизни, неотделимо связанных друг с другом. Автор пытается раскрыть проблемы сложной, запутанной и противоречивой жизни людей творчества, их сверхчувствительность и уязвимость перед жестоким обществом.

Чехов начал работать над пьесой в Мелихове. Местом ее рождения сам писатель называл «мелиховский флигель». Там развернулись все грани его таланта: он лечил людей, строил школы и, конечно, творил. Осенью 1895 года в этом флигеле Чехов работал над пьесой «Чайка».

«Комедия, три женских роли, шесть мужских, четыре акта, пейзаж (вид на озеро); много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви», – так говорил сам Чехов о своей пьесе.

«Чайка» по праву считается наиболее автобиографичной пьесой Чехова по сравнению с другими его произведениями; в ней улавливаются отклики мыслей Чехова на волновавшие его мысли об искусстве, о борьбе с рутиной, о поисках новых форм, о муках творчества, об ответственности таланта перед требованиями жизни. Интересно наблюдение английского драматурга Д. Пристли о том, что Чехов «поделил свою собственную личность между тремя персонажами: Тригориным, популярным беллетристом, чья слава приелась как автору, так и его герою; Треплевым, борющимся, как и он сам, за новые формы выразительности в литературе; и доктором Дорном – врачом (как и сам Чехов), симпатизирующим исканиям Треплева».

Кроме того, в пьесе нашли свое отражение судьбы людей, имевших место в жизни Чехова. Так, в сложной сюжетной канве «Чайки» своеобразно преломилась история неудачной попытки самоубийства И. И. Левитана, жившего в имении А. Н. Турчаниновой на берегу озера в Тверской губернии, куда был вызван Чехов. А. С. Мизинова, близкая приятельница Чехова, полагала, что в «Чайке» многое «заимствовано» из ее жизни, а именно переплетения ее романа с писателем И. Н. Потапенко, хорошо известные автору, с романом в пьесе. Писательница Л. А. Авилова вспоминала о подаренном Чехову брелоке, где были указаны страница и строки книги Чехова – если найти эти строки, то можно прочесть: «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее». В характере Аркадиной современники узнавали некоторые черты актрисы Л. Б. Яворской, которой одно время был увлечен Чехов.

Премьера «Чайки» состоялась 17 октября 1896 года в Александринском театре в Петербурге и вошла в историю театра как небывалый, скандальный провал. Ставил пьесу Е. П. Карпов, бесталанный режиссер, которого Чехов всегда не любил. «Провал был неизбежен, так как вся устойчивая система художественных средств этого театра, соответствующая устойчивым же, трафаретным формам драматургии, органически была чужда художественной тенденции и материалу новой пьесы».

Ко времени постановки чеховской «Чайки» на сцене Александринского театра необходимость искания «новых тонов» окончательно созрела в сознании молодых драматургов, но еще совсем не проникла в сознание большой публики. М. М. Читау, актриса Александринского театра, писала: «За кулисами заранее уже говорили, что “Чайка” написана “совсем, совсем в новых тонах”, это интересовало будущих исполнителей и пугало, но не очень».

Еще во время репетиций Чехов писал сестре из театра, что все кругом фальшивы, злы, мелочны, что спектакль, по всем видимостям, пройдет хмуро и что настроение у него неважное.

Как писала сестра Чехова: «С первых же сцен в театре произошел скандал. Шумели, кричали, шикали, произошла полная неразбериха, все превратилось в один сплошной, бесформенный хаос. Чехов куда-то исчез из театра. Его везде искали по телефону, но его нигде не могли найти. На следующее утро он уехал обратно в Мелихово, не простившись ни с кем».

Провал «Чайки» был для Чехова тяжелейшим ударом – была осмеяна и освистана пьеса, утверждавшая отказ от рутины, штампа, прокладывающая новые пути в искусстве. Однако ближайшее будущее показало, что это был провал не «Чайки», а старых, рутинных, отживших свой век театральных традиций, против которых как раз и выступал решительно Чехов в своей пьесе.

Спустя два года, состоялась вторая на сей раз триумфальная премьера «Чайки» в Художественном театре. Среди исполнителей были: О. Л. Книппер (Аркадина), К. С. Станиславский (Тригорин), В. Э. Мейерхольд (Треплев), М. Л. Роксанова (Нина Заречная), М. Н. Лидина (Маша). Режиссерская партитура была разработана К. С. Станиславским. С тех пор силуэт летящей чайки стал эмблемой театра, а Чехов – постоянным автором репертуара театра.

В 1979 году Р. К. Щедрин написал музыку на пьесу А. Чехова «Чайка», и чуть позже в 1980 году в Большом театре был поставлен балет «Чайка», где Щедрин предстал и как композитор, и как либреттист (соавтор, совместно с В. Левенталем), а Плисецкая танцевала главную героиню, Нину Заречную, и воплотила символическую Чайку, впервые став единоличным балетмейстером спектакля. Это был настоящий творческий тандем, здоровое сотрудничество двух великих талантов, живущих под одной крышей.

Композитор средствами оркестра создал остроэкспрессивный «крик чайки», который провел через весь балет, придав ему повышенную трагичность.

В нем хорошо угадывались «подстреленные» судьбы героев, а сценическая драма проецировала «крик» во времени. Новаторской стала музыкальная форма балета – цикл из 24 прелюдий с добавлением трех интерлюдий и одной постлюдии.

Писатель Борис Акунин создал детективное продолжение чеховской «Чайки», в котором дал несколько вариантов окончания знаменитой пьесы.

В каждом своем «пятом действии» он делает виновным в смерти Треплева различных лиц. Доктор Дорн становится в этих продолжениях кем-то вроде следователя, заявляя о своем родстве с фон Дорнами (в произведениях Акунина часто встречаются представители этой династии). Он вполне аргументированно раскрывает мотивы этих преступлений, по-детективному находя каждый раз «рояль в кустах»: скрытые обстоятельства, которые делают смерть Треплева выгодной разным людям, причем совершенно неожиданным. В последнем варианте «пятого действия» виновным объявляется сам Дорн.

Основная идея «Чайки» – утверждение мысли о неразрывной связи писателя с действительностью, являющейся подлинным источником его творчества, об активном гражданском общественном долге художника, раскрывается тема творца и творчества. Подлинные причины обмельчания искусства – в отрыве художника от народа, от жизни его Родины. И если этот отрыв серьезен, начинается разложение искусства. Тогда-то из-под пера художника и начинает появляться что-то странное, неопределенное, не несущее смысловой нагрузки. Любовь, охватившая почти всех героев, составляет главное действие «Чайки». Но не меньшую силу имеет и преданность ее героев искусству. И это чувство, пожалуй, оказывается выше любви, является самым сильным стимулом для поступков ведущих действующих лиц.

Об искусстве, а точнее, о литературе и театре, рассуждают в «Чайке» не только двое мужчин – писателей и две женщины – актрисы, но и медик Дорн, вторгающийся в область духовного творчества со своими неуклюжими, но очень кстати звучащими парадоксами. Каждый персонаж пьесы, как мы видим, вовлечен в орбиту искусства. Отношение к

литературе и творчеству во многом определяет его место в сложной расстановке действующих лиц.

Особое место в пьесе занимает образ Дорна. Это врач, умный, проницательный и человечный. Его речью писатель доносит до читателя очень глубокие рассуждения об искусстве, в частности оценку произведений Тrepлева. Врач Дорн высказывает мысли писателя Чехова. О тrepлевской прозе он говорит: «Что-то есть! Он мыслит образами, рассказы его красочны, яркие, и я их сильно чувствую. Жаль только, что он не имеет определенных задач... на одном впечатлении далеко не уедешь».

В этом конфликте проступает кризисная ситуация в русском искусстве и в жизни конца XIX века, когда «старое искусство разладилось, а новое еще не наладилось». Старый классический реализм выродился лишь в ловкое техническое ремесло, не имеющее в себе духовности и талантливого потенциала.

У каждого героя имеется свое собственное, особенное отношение к искусству. На протяжении всей пьесы мы видим неизбежное столкновение взглядов не только в плане искусства, творчества и таланта, но и жизненных принципов в целом.

«Чайка» тесно связана со всеми раздумьями Чехова о сущности таланта и его значении для человека и человечества. Талант без мировоззрения, без большой художественной мысли – ядовитый цветок, несущий гибель его обладателю. И совершенно очевидно, что все симпатии Чехова на стороне молодого ищущего поколения, тех, кто только входит в жизнь и готов отринуть страх на пути своего творческого развития. Позиция автора такова, что искусство живет как единое целое: оно не делится на живопись, вокал, писательство или что-либо другое.

«Чайка» – мотив вечного тревожного полета, стимул движения, порыва вдале. Не банальный «сюжет для небольшого рассказа» извлекал писатель из истории с подстреленной чайкой, а эпически широкую тему горькой неудовлетворенности жизнью, пробуждающей томление, тоску о лучшем будущем. Только через страдания приходит Нина Заречная к мысли о том, что главное – не слава, не блеск, не то, о чем она когда-то мечтала, а умение терпеть. «Умей нести свой крест и веруй» – этот выстраданный призыв к мужественному терпению открывает трагическому образу Чайки воз-

душную перспективу, полет в будущее, не замыкает ее исторически очерченным временем и пространством, ставит не точку, а многоточие в ее судьбе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гитович, Н. И. А. П. Чехов в воспоминаниях современников / Н. И. Гитович. – М. : Худ. лит., 1986. – 735 с.
2. Громов, М. П. Книга о Чехове / М. П. Громов. – М., 1989.
3. Захаркин, А. Ф. А. П. Чехов / А. Ф. Захаркин. – М. : Сов. Россия, 1961. – 159 с.
4. Кулешов, В. И. Жизнь и творчество А. П. Чехова / В. И. Кулешов. – М. : Дет. лит., 1985. – 174 с.
5. Паперный, З. С. «Чайка» А. П. Чехова / З. С. Паперный. – М., 1980. – 137 с.
6. Смирнова, А. С. По страницам жизни и творчества Чехова / А. С. Смирнова. – М. : Наука, 1993. – 172 с.
7. Чехов, А. П. Собрание сочинений : в 12 т. / А. П. Чехов. – М., 1956.
8. Юшманова, Н. Е. А. П. Чехов: уроки нравственности / Н. Е. Юшманова. – М. : Знание, 1985. – 64 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Александр, ученик 9-го класса средней школы № 6 Южно-Сахалинска. Научный руководитель: Сои Римма Николаевна, учитель русского языка и литературы.

Беззубенко Дарья, ученица 7-го класса гимназии № 3 Южно-Сахалинска. Научный руководитель: Косова Татьяна Егоровна, учитель русского языка и литературы.

Буданенко Ксения, ученица 10-го класса средней школы № 19 Южно-Сахалинска. Научный руководитель: Чайкина Ольга Викторовна, учитель русского языка и литературы.

Губанова Полина, Фролова Виктория, ученицы 10-го класса средней школы № 1 Александровска-Сахалинского. Научный руководитель: Максютова Ольга Михайловна, учитель русского языка и литературы.

Доровских Лидия, ученица 10-го класса средней школы № 6 Южно-Сахалинска. Научный руководитель: Кирюшкина Тамара Павловна, учитель русского языка и литературы.

Дорофеева Анна, ученица 8-го класса средней школы № 6 Южно-Сахалинска. Научный руководитель: Кирюшкина Тамара Павловна, учитель русского языка и литературы.

Кузьмина Мария, ученица 11-го класса средней школы № 5 Южно-Сахалинска. Научный руководитель: Покатайкин Валерий Викторович, учитель русского языка и литературы.

Куренная Екатерина, ученица 11-го класса средней школы № 19 Южно-Сахалинска. Научный руководитель: Чайкина Ольга Викторовна, учитель русского языка и литературы.

Максютова Алена, ученица 10-го класса средней школы № 4 Южно-Сахалинска. Научный руководитель: Хан Наталья Петровна, учитель русского языка и литературы.

Слоян Гаяне, ученица 11-го класса средней школы № 31 Южно-Сахалинска. Научный руководитель: Зайцева Лидия Анатольевна, учитель русского языка и литературы.

Устименко Евгения, ученица 10-го класса средней школы № 4 Южно-Сахалинска. Научный руководитель: Ширшова Ольга Олеговна, учитель русского языка и литературы.

Фокина Юлия, ученица 10-го класса средней школы № 2 Томари. Научный руководитель: Конаева Анна Сергеевна, учитель русского языка и литературы.

Харитоновна Василина, ученица 11-го класса средней школы № 31 Южно-Сахалинска. Научный руководитель: Зайцева Лидия Анатольевна, учитель русского языка и литературы.

Научное издание

Чехов и Сахалин

Материалы юношеской конференции (2010–2012 гг.)

Корректор В. А. Яковлева
Верстка Е. Ю. Иосько

Подписано в печать 13.12.2012. Бумага «Inасоріа».
Гарнитура «Bookman Old Style». Формат 60х84¹/₁₆.
Тираж 150 экз. Объем 6,75 усл. п. л. Заказ № 177-12.

Издательство Сахалинского государственного университета
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.

Тел. (4242) 45-23-16, тел./факс (4242) 45-23-17.

E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru,
polygraph@sakhgu.ru